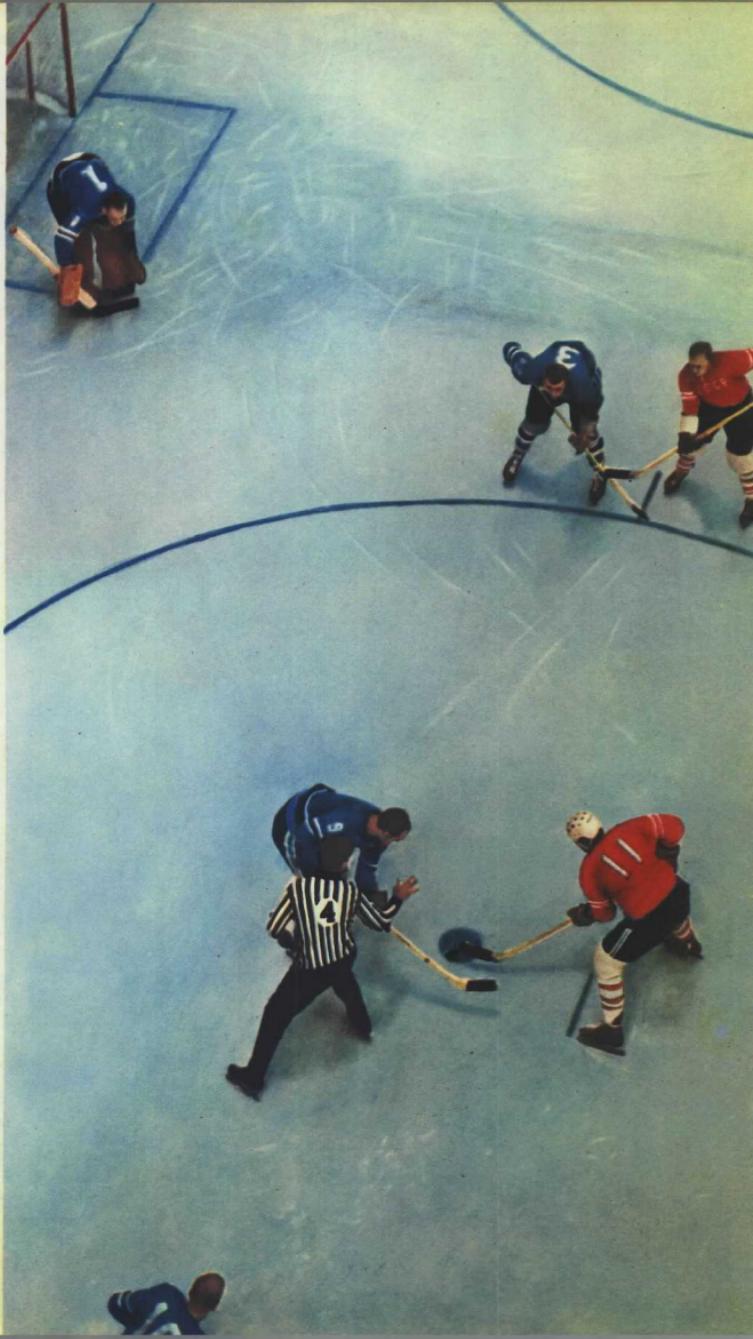

Смена

Стихи поэтов-человеков
ОДИННАДЦАТЬ НАПЕЛЬ ЗОЛОТА
Василий Песков: Антарктида
Гангстеры сводят счеты

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

1964
№ 6 (884)

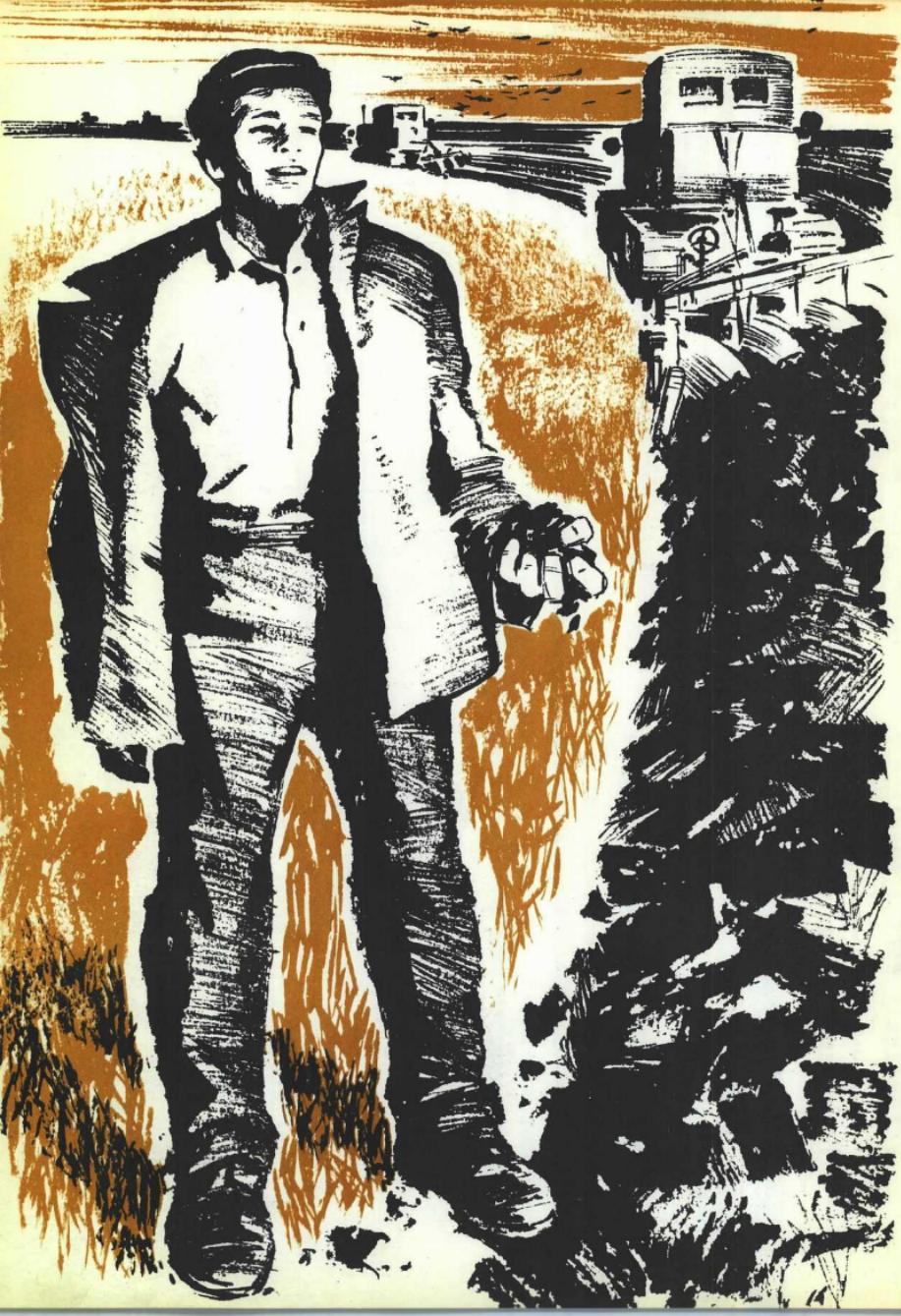

Рисунок О. БУНОВОВА.

В городе строителей Красногорской ГЭС — Дивногорске — живет и трудится интеллигентский человек — Владилен Белкин. Он работает каменщиком. Пишет стихи. В одном из своих стихотворений он говорит: «Сын двадцатого века, грозовых его буден, я ступеня к человеку, который будет»

Мы публикуем отрывки из новой поэмы Владиlena Белкина о героях целины.

Владилен БЕЛКИН

[г. Дивногорск].

НАЧАЛО

[Отрывки из поэмы]

Эшелоны...

Эшелоны...

Остановки...

Перегонь...

Семафоры вдоль дорог...

Солнце...

полные вагоны

грозоходы на Восток.

В тишине настороженный
состав тысячечтенный.

И над составами городком,
над Сибирью, над Россией,
осмыкал синий иней,
раскошелся медный гром!

Это, грунтовые...

ориентиры

тишину взорвал оркестр.
Мундштук вмазали в губы,
слезы искарило из глаз,

но зычной трубки трубы,
но добротной бухал бас,
и дондонаин барабан:

«Ку-пуй-да!»

Ба-ра-ба!..»

Эхо ушло
и тужко
рассыпалось в переулках.

С сорок пятого
вокзал

встреч подобных не видал.

Локоть в локоть,
бок о бок.

Гул и топот бойкот ног.

Это юности

школьным валом
привозили залывала.

Колхозы, склонката, кипятком крутым бурлока,
будто в колах бутовала

непрекращенная сила!

И залывали в колах
хаты видели потом,
как от площади воскальной
хлынула в лицу поток...

Ржаво ставни раскрылись,
занавески раздвигались.
А поток между домами,
молодецких зороний,

плыл,
лихо кабыканы
лед кроша на мостовой.

И вываливал народ
из подъездов и ворот.
По тревоге поднял город!
Только гул стоит да треск.

Что пороги!

что заторы!

Ходят волны в коридорах

здания

с вывескою

«Трест»...

И щепеноу завертели,
и пошли хдить в углы
дыроколы и портфели,

циркуляры и стопы.

Но до шахмат стало в тресте,

не до сна,

какое там...

— Говорят,
директор в весе
скинул десять килограмм!

Круто взял
в оборот
новых дел
ведоворот.

А поток
не убавлялся,
а поток
не иссякал.
С Украины пробивалась,
на Кубани заискала!
Ярославль,

Ленинград

ярких ставни ребят.

И весны тот запаздал,

так расковано нова,

на воязах зоревала

комсомольская Москва!

* * *

Ты хочешь понюхать
дикую волю!

Ты хочешь понять
простор?

Выходи
один

в степное раздолье

и молча...

постой...

Захочешь — скажи во весь опор.

Душу

потешишь

волю!..

Теперь ты понял,

что такое

простор!

Понюхай степную волю!

Взгляды на север,

взгляды на юг,

на запад

и на восток...

Сторовтым циркулем выписан круг,

а центр

твоих

ног.

И ни куста,

ни края вокруг,

мертвый ковыль

у ног.

* * *

Трактор чихнул, затухнул,

плуг, задрожав, онок.

В землю восни снатугою

вымытые нони.

Миг вековечной схватки...

Треск корневиц

и... р-р-рэз

Лемехом на лопату

бронзовая пурпурная пист.

Сколько же поколений

древний решают спор!

Помните!..

По колени

в землю вошли

Свастогии!!

И вот оно —
сталь рокочет,
вычерчивая ковыли.
И девичий
легкий платочек

блестит

вздохи...

А лемеха управо

шили

по моей уме

поросшей

бурыньном,

одувашкой

душе.

Все пошли каруселью!

Сердца поднялись зов

собой

насыщенных землю

костромских муночков.

И та,

что в крови умило

казнула до сих пор,

буниня,

гордая сила

равилась

на простор.

Не за удачу в погоне

сманила

меня

тропа...

И вот лежит на ладони

мои судьбы...

* * *

Ночь подавливает
немой теплоизотой.

Перепахала

небо с землей.

Звездный овес,

шито, что пласт,

тучных туч,

скрыла от глаз.

Запрокинулся,

зревавший в темень,

звинского месяца

блещущий лемех.

* * *

От жаркого пота

зле работает...

Плытят, строгают,

копают и рубят:

сказки слагают

безбородые руки.

Сплющены блоки,

любые нареши

от Буга до Балты...

И волжского «о»

колоноками медь,

и мори динников

перцем и изд.

* * *

Дым из свез.

В саже нос.

Наша Варя

кашеварят.

Ходят важно, как поповник,
у клокочущих котов,
и уверенный половник
блещет гетманским эжлом.

Кузя — лекарь,
Кузя — спец.
Но аптекарь,
а кузнец,
Без умолки,

что кузнец,
втикомолку

он кузнец:
плуги с боронами ллечит.

А рядом лено,
словно прут,
в ржаной крендель
трубы гнут.

Кисль пахнет газосваркой,
брзыхут огненные скважки,
Из рук выпархива,

злет

их птица синяя
клует.

Злее работа
от жаркого пота...

* * *

А в сумерках звонких девчонки поют,
и пятилеток нам спать не дают...
Встает туман,
зевает бабы,
качается планета.
Как повариха, круглая и красна,
в тихое небо выходит луна.
Струна поет,
луна плывает,
качается планета.
И Широкий нам руки свою подает,
и вальсы по кругу подругу ведет.
Глаза горят,
сердца стучат,
качается планета...

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Год издания сорок первый.

Выходит два раза в месяц

МАРТ
1964

(884)

СТИХИ МОЛОДЫХ ПОЭТОВ ЦЕЛИНЫ

Сегодня мы знакомим наших читателей с молодыми поэтами Целинного края. Все они воспитаны нашей эпохой, которая началась десять лет назад. Это люди разных специальностей: строители, учителя, журналисты, работники культуры. Для них целина — это жизнь, труд, мечта, открытие нового. Может быть, именно поэтому они не могут не писать стихи. В их поэзии — активное отношение к действительности, непосредственное, взволнованное выражение мыслей и чувств молодого поколения нашей страны.

Стенная песня

Второе дыхание

Ну, а мы,
Любопытством томимые,
Уезжали на земли целинные.
Растеряя по дороге циников,
Разогнав карьеристов чининевых,
Отработав собственный почеки,
Стояли узней и проще.
Без семейных сюрпризов
И без ласковых слов
Маминых,
Наглолавившись опыта вдосталь,
Наконец,
Обретали взросłość.
И в награду
За наши сантаны
Приходило второе дыхание.
То,
Которое девочки в бантинках
Именуют пышки
«Романтико».

Виктория КАЦНЕЛЬСОН,
директор Дома пионеров
г. Петропавловск.

Русское чудо

Где начинается чудо?
Там,
Где кончается мрак.
Там,
Где безумно трудно,
Там,
Где взиравшие флаг.
Эпоха вломилась в двери.
Эпоха орала: «Держись!»
Стал революционер мерить
Каждый судьбу и жизнь.
Энергия идеи взвинтилась
Слабо, но не осталась.
Рядом с твоими порывами,
Могучий рабочий класс.
Как начинается чудо!

Как начинается чудо!
Люди покидаются грудью
На пурпурный вхирь.
Ладони дут к сердцу,

Чтоб звезды рукой достать,
А их на шумной планете

Родина будет ждать.

Чудо!

Пусть будут чудо!

Рядом, совсем у лица,

Русское наше чудо,

Которому нет конца.

В. ПРОКУРОВ,
режиссер

г. Целиноград.

Это было...

На какой планете это было!
Колотые пеньки водят
И палатки к людям топинга.
В поле ни тропинки, ни следа.
Бешенные молнии сплетались,
Обнажая мертвенный простор.
В первый раз увиденные дали
Ну иначе не радовали взор.
Что, казалось бы, скрывало без толку?
И куда идти? В следы туму!
Сквозь облака вились дымы
И надменно пела «Колыму».
Не побирай, где стень, а где brigada.
В поле вытын — трактор утопни.
И хотелось есть. А было надо.
Видережать. Не сдать. Не отступить.
И светится яркое светило
Над бескрайним золотом поля.
На какой планете это было!
Да это был Наша Земля.
Пусть припомнит это всё поэты,
Что впервые ступил на Луну...
Десять лет прошло.
Мы помнили это.
Мы ведь штурмовали целину!

А. ПРИЯНИКОВ,
учитель

с. Миловидовка,

Северный Казахстан.

Траншеи

Стальное солнце присекало
До боли солнце сорвено.
Земля к колесам пригнула —
Не отсплыла ее никак...
Изрыло землю всей Европы
Солдаты в прошlogue войны.
Но мыкопали не окопы,
А венковую целину.
Нам было легче, хоть и трудно.
Работы не было.

В стени Баскайской к безподвойной

Нас не бомбили, как отцов.

В траншее глубиной по шею

Нам смерть была не суждена.

За нами выросли в траншее

Многоэтажные дома.

А. МИХАЙЛОВ,
строитель

с. Кургалькино,

Целиноградская область.

Мой край

В колосьях зерна, словно звезды.
Тропин — в небо упят...
Степи нужны, как подмы, воздух,
Размоз, простор и вромат.
Здесь ливины листянные льются,
Я изучил их напузье,
И, заглянув в зевра-блудия,
Молчал березовым грусту.
Не зевра, не берёза высги,
Она близка И... далека.
Как флаги белые повисли,
На гибких ветках облака.
И я глядел долго-долго...
Не отгадать, как ни гадай:
С какого начинял окопка
Мой край степной,
Целинный край.

В. ШЕСТЕРИКОВ,

журналист

г. Петропавловск.

Ключ

Хотя учили в тридцатое царство,
где ветры шумят мух сурков,
хоть замы...
что твои мытарства —
удел романтиков всех веков,
хоть обудзены бездорожьем дорогой
и к первому дому приходи по ней,
хоть мужественным стихом растрагай
свои равнодушные в стихах парни,
хоть вымнеги колос и горы выстрои
в степи,
считавшейся мачехой злой,
хоть до последнего дара выстои...
Но ты еще не выиграл бой,
пока у тебя
в потайном кармане
кинь от своей квартиры бренчит.
Нестыдь день...
и тебя в обмане
его бренчание уличит.
И ты останешься иноверцем,
как сча с собою ни лицемерь,
пока не выбросишь с легким сердцем
ключ,
открывающий в прошлое дверь.

* * *

Была
Акмола —
богата могила.
Заря текла,
как спляя малина.
Манина тоска
в степь казака,
в белую могилу
вгоняла тоска.
Была Акмола,
да была и поросла.
Новые песни стень родила.

А эти песни —
не камни в персте.
Сложили песни
ребята с Прасин.
Слагали песни —
сплющили город.
Нас жильт, ровесник,
по синим занави.
И поди подесь
дома летят
Звучит, как песня:
Целиноград.

А. ДИХТЬЯР,

журналист

г. Целиноград.

дитых. Один из них подносит к лицу Радченко незамысловатую деталь, вертит ею.

— Скажите, можно ли взять микроскоп и забрести на газорез? Я до сюда по шестому разряду работал, а теперь на этих фитингах сини, справедливо?

Он раздраженно швыряет «фитинг-флаки» в ящик для заготовок и отходит. Бригада добродушно молчит.

Иван внимает детали из ящика, вертит в руках, подбрасывает на ладонь. Шагает к конторке. Мы — следим.

— Иван Алексеевич, неладно что-то со аттестации получается.

Пожилой мужчина поднимает голову от нарядов.

— Успели нажаловаться?.. Мне они давно уже голову заморочили.. Студенты, мол, не умеют работать, студенты... Степенико получают? Погуляют... На подхвате их дерну! Конечно, на подхвате, а что они хотели? Чтобы в им давал коленевыми тонить?

— Подождите, Иван Алексеевич. Они выходят, чужие! Значит, когда они до института в этом цехе работали, были свои, а теперь чужие!.. Ладно ли выходить...

Через минуту Иван Алексеевич сердито шагает к кабинету начальника участка, за ним — вся аттестовая бригада. Иван, поостав, обясняет нам:

— В наш вуз мы направляем лучших ребят, наших же. У них система такая: недолго учиться, недолго работают.

В кабинете начальника участка Иван

Ряд сахарных кораблей на плавучей Кубы начинался здесь.

Алексеевич не упоминал о «своих» и «чужих». Напирал на другое:

— Как я могу дать им большую рабочую нагрузку, если у меня нет места для отстоянья за станком, и все, а куда сидеть? Планета мирия на них никто не скинет!

— Так что же нам, все время теперь на подхвате сидеть? — вмешивается бригадир.

Начальник участка достает какой-то список, пробегает карандашом по наименованиям деталей и узлов. За кончиком карандаша слешил несколько пар глаз.

— Вот это хотя бы — останавливают взглядом ребята движение острого грифеля.

— Этот узел — за неделю? Смеется — Иван Алексеевич по-прежнему удивлен.

— Смеется? Всёже нет! — Не давайте приснишь... Начальник участка пододвигает чистый лист бумаги. — На обточку — семнадцать часов...

...Иван Радченко смотрит на часы и незаметно отходит от стола, трогает за плечо одного из членов бригады. — Позовите, чай кончился, ладно?.. И вообще, чай что — к нам, добровольцы?

15 ч. 30.

В комитете комсомола пусто. Записки на столе: «Звонили из горкома, просят связаться. Я в цехе комбайнов. Лида».

Не успевает Иван закончить разговор с горкомом комсомола, дверь открывается, входит девушка в сером

Вот она — Улица зеленых светофоров.

— А паренька-то незаконно уволили, — убеждает начальника отдела кадров Валерий Степаненко.

ленты, яркие стеки, зеленые пятна цветов вдоль оконных проемов. Вспомнили птичек при въезде: «Здесь, как дома, в нем должно быть красиво и празднично».

— Очередное мероприятие из нашего плана по технической эстетике, — объясняет Иван. — Комсогоры выберут из этих моделей наиболее подходящие для участков. Мелочь вроде бы, а важная.

— Ну, вот что у тебя случилось?

— Хочу назад, в общежитие.

— Вот так раз! Два месяца как по-

женялись — и уже врозы? Что случи-

лось? Поскорее! Обидел?

— Обидел! Вообще он меня не лю-

бит...

Снова слезы. Иван растерян.

— Ну, умоляю, Иван... Не

плач, — говорит тебе! Вот историй!

Радченко покрутила головой и сделала новую запись в своей книжке.

В 16.00 на стихе смен началась демонстрация моделей рабочей одежды.

В цеховом пролете манекенщицы Ростовского Дома моделей демонстрировали одну за другую новые модели рабочей одежды.

— Оперетка! — услышали мы рядом.

Повернувшись: парень в лице заполненной кепочки курил, пренебрежительно шуршился. Слава на него замикала:

— Оперетка! Сам ты оперетка! Погляди в зеркало, мазила! Мажновец из «Свободы»!

— Это что же ни к чему!

— А нам к чуму. Понят!

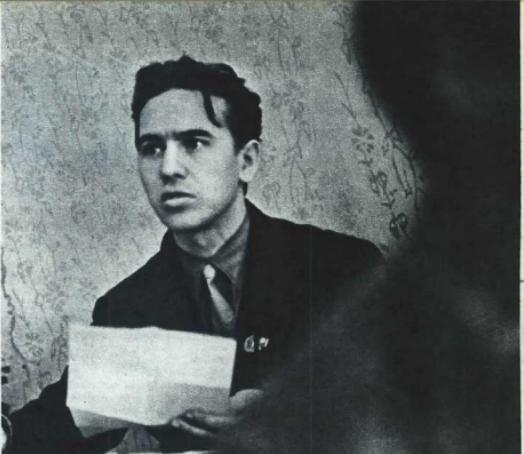
Модели сменили одна другую:

практичные, девственные, красивые. И манекенщицы и музыка не казались здесь, в цехе, чем-то инородными: они

как бы вписались в эти светлые про-

зы.

Лучше один раз увидеть...

Но прежде чем перевернуть страницу календаря, — день электротехнического сектора, — Валера Радченко с удовольствием вычеркивает все пункты с узкого листа календаря. Впрочем, нет, не все... Пятый пункт, «горячие обеды в общежитиях», он снова переписывает на завтрашний день. Потом, что обедов в общежитиях по-прежнему нет. Потому, что в общепите танут с этим делом. А ведь это так нужно для молодых рабочиков!

И слово ложится на листы календаря лаконичные строчки. Это завт-рашние заботы. Завтрашние дела. Это завтрашние комбайны, молотилки, жатвы и колхозы, что уйдут с конвоя на весенне поле на надменной марке «Гостальмыши».

...Узкие листки календаря; это не просто завтрашние заботы — это зеленые светофоры самой главной заводской улицы — Улицы главного конвоя.

г. Ростов-на-Дону.

MYTHMA

Олег Смирнов

РАСКАЗ

Рисунок Г. НОВОЖИЛОВА

М оро бухал прибом, и Ксений казалось, что и в душе у нее поднимается что-то — слышан тутой ток крови, то опуститься — в груди тишина, все цепенеешь. Она лежала в темноте, отбросив одеяло, в одной пижаме. Так спать привыкли еще в городе, в Махачкале. Да и к тому же в комнате натоплено: Василий любит теплынь, с обеда истопили.

Сна погорела подушку рядом: дымятца и, отсыпнувшись с постели нащуп, встала, включила свет. Лампочка под потолоком жужжала, желтое затянулось, брызгах этим немощным, желтым на зеркало гардероба, на никелированные шиншки крахмали, не лаковые боки приемника. А на кошки фосфоресцирующие — диковыльные глазницы, они выбегают спиной, чтобы тонким щипцом, мухащек — погоняли, единственным звук в комнате. А за стенной противоядие — буль — и долгая, томящая паузу. И опять — буль — от которого содрогается берег и все, что на берегу, и опять зияющая паузу, когда ухо ловит посвист ветра, стук ставни, ржавый скрип аланки, под склоном.

Ксения известно: бухает девятый вал, в барак с моря проникает только он, самый могучий, самый скрупнейший, если же выйдешь наружу, то различишь удачу каждой волны, даже первой, нараодащающейся. Она сейчас выйдет наружу. Зачем? Разве это поможет ему или ей? И зачем проснулась? Разве это нужно ему или ей?

Ксения снова вздохнула, потом набросила пальто, платок, сунула ноги в кирзовыя сапоги и, пнув кошку: «Брысь!» — открыла дверь.

В почном бороде над крыльчиком гнулся: мимозы, тусклый свет ветра сквозь кисти листвы, через ряды электрических проводов, через штакетники. Дура моряна — яркая, яркской пробы ветер: влажный, но жесткий. Задувает тут и норд-ост, зевачий в сумме, попливных стихиях Казахстана, он порыбистый, холодаин и кольчак. Но и норд-ост и моряна делают одно — высекают из Каспия щипоры. А щипоры не Каспий не штука.

Ксения запахнула в пальто, прислонилась к косынку. Тьма обдувала моряной, моросила оятбринским дождем. Хоть глаза выплыли, беспросветное небо, беспросветное море. Лишили визу, на прищали, с поликилометровым отсадой, горен прожектор, да за рыбакин посыпали, всплыли, всплыли, да на нефтепромыслы газовых фонарей. Фонари на горен — погибли: огромный отшибленный кусок над землей, пульсирующий, дышащий. Прожектор же прошел, да темя беззвучно борясь с чернотой. Ксения глядела туда, где прожектор, и скорее угадывала, чем видела, скончанную, скучабочую, белоснежную, чистую.

С прибрежья в четвёртом книзу шакалы головы, ему отыскивают другую, треть: всяко нова, всяла, плача, рыхают шакалы в дозах и покидают утёк, забравшихся под песчаные намывы обусыщены, вычистят первы, поддерят маты. Жуткий вой, разве к нему привыкнешь? И вообще разве можно привыкнуть к этим темам, ветрам и дождям, к пустынным улицам, где под ногами с асфальтом хлопает грыза, к сиротливым, одиноким ночам, когда там не спишь, ждешь и слушаешь, как широмят море? То самое море, про которое соседка по барачку, Филипповна, говорила так: «Каспий — зеэр, Каспий — море!» Ужо, скриро, солнышко, а глядя, мухажа, става сабы, обманщики, Руссари; уже колы, буря, узланы. Огланшики!

Но, конечно: вчера вечером, когда Василий уходил на лов, моря было покойное, ручное. Кенсина не пошла провожать на пристань — и так в посыпке, погремывая, достаточно того, что встречает, — со двора видела, как снайперы отвалили от причала, и вторым тот, на котором Костин. Издалеке все четыре снайпера едином блоком, но они сердцем чувствовали, на каком Валерии. Сидела рядом супружеская чета, супружеская чета, заживо, из-за первого обличья залегавшая под Барышниковым водой уступчиво разваливалась надвое под килем. А к полуночи, когда Кенсина пробудилась, ужас, дядюшка, сжался. И он крепчает и крепчает.

В квадратном проекционном луче белеет отвесная стена приюта. Буксует девятый вал. Брызгает дондук. Повисывает моряна. Наверное, в такую ночь погибли то самеро, что похоронены в сквере, возле колхозного предприятия. Заглох рыбаков, утонувших в осеннюю путину. Все очень просто: у сейнера заглох мотор, утонул вспомогательный мотор. И сейчас снова осенний дондук.

Господи, что же это за жизнь: музыка, окидаться у моря кипятки или беды! Нет у них было сил, чайки синие. Хватит А тут выше Вилька Тимофеевы позаваливались. Не далее как вчера. Занес его приемщик, Витку? Для кого-нибудь он Виктор Викторович, для нее Вильке: потому что все у них некогда было. Было сплющено. А вот притихший из Махачкалы. Задыхает в магазине и выдохнул, когда покупателей у прилавка нет, зажигается спички, дергает ее торжком, пока не сгорит. Справшись: «Томский?» В чём же не помнишь: с этого у них когда-то начались, а теперь и остановились. Ах, да к чему были воротыри! Было сплющено. Ответила же она в магазине Вильке: «Сонки тоже коробок, я мужик жена». Он спрятал усмешку: «Как у Пушкина: я другому люблю и буду вену ему звать». А после поблещуши и говорит: «Я люблю тебя по-настоящему, эта я поняла, моя очен-

плохо без тебя». Ему! Замечаете — ему! Всегда о себе думает. Ну, показала она отворот поворот, а на сердце стало и горько, и приятно, и мутно.

Беспроственное небо, беспроственное море. Воют шакалы стаи. Пронизывает ветер, и Ксения начинает дрожать. Она плотнее запахивается в пальто, но дрожь не унимается. Еще раз посмотрев на причал, Ксения уходит в дом.

В постели она никак не может уткаться, ее колотят озубы, и вдруг она плачет, громко, навзрыд. Плачи трясутся, по щекам ползут слезы, и нос и губы быстро распухают. Чтобы заглушить плач, она зарывается в подушку, и подушка быстро мокреет. Кошка мурлычет в ногах, лампочка помигивает, будто собирается зевать погаснуть.

— Господи! — испечет Ксения

— Господи! — шепчет Ильин.

Она перестает плакать, утирается полотенцем, тушит электричество. Она лежит на спине, натянув одеяло до подбородка, уставившись в потолок: там из неясности и серости проступают, стираются и вновь возникают лица: Василий, Витька, сыновья Василий, мама, Филипповна, сыновья Витька и другие лица, их много, знакомых и даже незнакомых. Голова у неё тяжелая, и на сердце тяжело. Странно, слезы ее никогда не облегчают, напротив, они пачкают.

Она с усилием хлопает ресницами, и лица с потолка исчезают. Так-то лучше. Хватит с нее. Дайте отдохнуть от всего и от всех. Покоя — вот чего хочется. И следом же она чувствует: так еще хуже, так одиночество еще

Хочется. И следом же она чувствует, как щадя куки, так однажды ее острей. Плохо, что слезы не приносят облегчения.

Громоздкие, нависающие предметы словно вплотную приближаются к нам из сны, окружают: гардероб, где висят костюмы, и ее и Василий, этажерка, где брошюры по рыболовству — Василий и научно-фантастические романы — ее, кухонная полка с керамикой, на которой лежат старые береговые карты, и винтажные фотографии — это погружение в прошлый мир, написанный на пленке.

Но что вам нужно от меня? Чего? Не могу я больше терпеть, сегодняшня ночь-прощание последняя капля. Вернитесь Василий с льва, и всему, что я ему скажу: «Хватит с меня, мимый, ищи себе другую дурь». Дура и есть, умыв, привез сюда, в глухомань, и тяжкися теперь с ним, пока-куда он рыбку вынимает.

А что от меня надо тебе, прошлая жизнь? Какая прошлай! Такая махачкалинская. Улица Советская, дом девятнадцать. Выйдешь на ступеньки этого этажа, запахешь свежим воздухом, и не будешь знать, ли не за минуту назад соборный брак: за этой — овчарка, за этой — шпиц, за этой — легавая, за той — рядовая дворнича. Какой-то собакий дом. Но у них в квартире собак не было: папа не терпел животных. Впрочем, и они и подней не очень терпели. Дочь, и ту не очень терпели. Чуть что — наказывали: ставили на колени на рассыпанное пищево — это он сам придумал, вежливый, чисто выбритый, в золотых очках провизор. Мама потом, давясь слезами, ногой высиковывала из нен въевшись в кожу пыщениши.

Если-таки славная, трогательная пора — дестово! Дорого бы я дала, чтобы из взрослой женщины вновь превратиться в голенеступи, в кургузом плаще девичонку,

А взросльой было сложно. И тяжело. Вот появился на горизонте Витыка, для остальных продавцов «Гастроном». Виктор Викторович — ревизор из республиканской конторы. Солидный, за тридцать, красивый — ничего не скажешь. И однажды проводил ее в работы. Гуляли по скверу, по набережной. Цвели дагестанские розы, светились фонари дневного света, шелепала, листалась у параллели волна. О, это море она знала — по пляжу, где топчались и фиолетовые сорожки «жемчужная вышитка», «музыкальная вышивка».

ка», по набережной, где изобилие парочек. Море в городе приуроченное, что ли. Ну, а если и разыграется, в любую минуту можешь уйти с берега. И пусть себе бушует, не о ком тревожиться. Есть же, в поисках, где все пропахло рыбой и все разговоры о рыбаках. Есть о ком переняться... А Витя на третий вечер занес скрипку «Страна от струн». И начал играть. Помолчав, сказал: «Слушай, я тебе сейчас покажу, как я могу петь». Пробив, он еле-еле прошипел: «Ни хрена. Но знаешь, я в поисках женщины согласился бы. Однако Вита помалкивала, не вынырнув из воды было удобнее. Всеобщая же сеанс думает. А вчера твердил кине: «Понятно: не могу без тебя. Хочешь, жанься? Раньше надо было понимать, Виктор Бактерович, раньше.

Сюда притягивали окраинники. За Василием была готова хоть на край света. С ним и в шалаше рак, как говорит Филипповна,толстая, добряя старуха, которая умеет ее варить уху и пекут сущада и которая дребезжит скрипкой на ютубе.

пост на соли кухне:
Парней так много холостых,
А я люблю женатого...

Конечно, шалаш. Но шалаша-то протекают! А если протекают, то внутри

сыро и забко. Однако в комнате тепло? О чём я? Не думать, уснуть! Буду считать до ста.

Мама, еще молодая, румяная, покачивая наклонными плечами — такая была мода, а мама, портниха, следит за модами, — на площади покупает ей лакомства. Внеглавчевши и почти не разжевав, она сообщает: «Я съела школоладку и не поморщилась». Мама хочет: «Крохи ты мои!» Действительно кроха — трусики, панама, бант на макушке.

Вокзал. Платформа. Плакат — аршинные буквы: «Выиграйте минуты, можете потерять жизни!» — и соответствующее изображение: гражданин с чемоданом перед грудью личащегося электровоза; гражданин спешит и, увы, не замечает опасности. А она вовремя замечает опасность? Вихрятся по асфальту сухая пыль, бумаги. Вещи уложены, билеты сданы проводнице, до отправления десять минут, они стоят у вагона: мама горбится, сморкается в платочек, отец выбритый, хладнокровный, отражено в зеркале его лица волнистые очки. Василий, мамин сын, смеется, смеется, и онаглядит на железнодорожный плафон, расстегивая чмокает в машину блеклую щеку, а сама гадает: будут ли счастливы в тех, новых днях, что откроются за поворотом железнодорожной колеи?

Автобус мотает из стороны в сторону, пассажиры, помнив черта, хващаются за поручни. Не блокируют обеятанный парень, у которого из-под клетчатой рубахи высывается тельняшка, широко расставши ноги и ни за что не дергаются. Так это же Василий! В кармане у него кипяток и лемон, он поддергивает джинсы, ложит ебак морская капуста, верига/варига — отвечает она, ни разу не склонившись кинь на море. Лихая езда водителя-авариста не доводит до добра: поломка. Автобус стоит. Пассажиры опять же чертятся: «Как мне добраться до порта?» — спрашивает Василий. Она отвечает: «Это недалеко, мимо дороге, я покажу». И они, знакомясь на ходу, покидают автобус, и лохматые от ветра тени катятся стоят перед ними на тротуаре.

«Гастроном». Алюминий, стекло, плафоны. Она за прилавком, отпускает колбасу. Она суетится, не успевает завешивать очередь расчетов, покупатели, как разиненные, прыгают через выставленные витрины, теснуюсь, чтобы увидеть, что скрывается за занавесом. Чертопашца какая-то. Но это тепло и бодро ковыляет старик гастроном, орет: «Гад Салазэр!» Она знает: это у старожика ругательство, вместо маты, где-то подцепил, принял на вооружение, едва ли догадываясь, что за личность этот Салазэр. Сторож, кицкая зубами, выкидывает рукоять, орет: «Гад Салазэр!», — стреляет вверх, в плафон, и растворяется. В зале Евдокия Алексеевна, директор магазина, вкрадчиво вопрошает: «Продавец Воропаева, как надлежит трудиться работникам советской торговли?» Не обшившись и не ричь на покупателей! «Правильный, продавец Воропаева, правильное. И директриса растворяется, и в зал входит Виктор Викторович в развязывающемся маечнике: «Не слушай, это ерунда, я научу тебя, как трудиться, как жить. На прогулку научу».

В садах и парках — бело и розово, пахнет медом, гудят пчелы, и она бродит по городу, пытается установить: что же это за штука, весна! Она озирает облака, горы, деревья, людей и животных, витрины и камни. Поплы бродят по улицам, но только возвратившиеся домой, устанавливают истину. Во дворе гряды кустистой сирени и над ней на вершине существо детские пеленки — это соседство и есть весна! Ей становится отрадно, и она вдыхает аромат распустившейся сирени и думает: мне шестнадцать, все впереди!

Что это за помещение, просторное, с низким сводом, с которого свешивается многогородская пластира А-а, колхозный клуб, куда Василий впервые привел ее: кружки пары, гармонист каблуком ступь яро притопывает в такт, что порою глушил гармоны, сучки в дощатом полу, будто глаза, наблюдают за ней, и все глаза в клубе наблюдают за каждым ее шагом: что, мол, за крали привез себе Вася Ведринцев? А Вася Ведринцев ведет ее по танцевальной обрите, ни на кого не обращая внимания, кроме нее. Старые женщины, сидящие в креслах, смотрят на нее, как на чудо, как на гостью, гармонист рулем вытирает взмокший лоб. Вразвалку подходит председатель колхоза Зинченко, в кителе, багровый, устый, хрину, заговоривает с ней: «Приникаешься у нас, обзываешь Ничего, вскорости поставьте отдельную хату, мы подыгоним, Вася мы ценим: честно вкалывает... Ну, развлекайтесь, развлекайтесь!». Гармонист с удовольствием прыгает на топтать в такт очередному ветхозаводскому танцу, она кладет руку на прямое, твердое плечо Василия.

Каже это славные минуты! Лодки позади, Василий, сморканный теплом и кипением, бормочет, сопившись «Ну и худо!» — и садится в кресло. Шутяки-пурпурки обзывают его папашей, задумчутся. Но ей не хочется уступать ему Василию эти славные минуты. Она наклоняется, тормощит и вдруг отшатывается: руки у Василия ледяные, беззывные, губы ледяные, безответные. Они всматриваются и намеют в ужасе: в закатившихся глазах стоят, не выливаясь, морская вода, изо рта пенится струя, и мокрая борода, которой у мужа никогда не было,—борода мертвца. Она вскрикивает: «Это!» — и отшатывается.

Ксения проснулась от собственного крика. Он, этот крик, казалось, еще колотился о потолок. Сердце сдавливало, стучало так, что ничего не было слышно, кроме облегчения, когда сбросило с себя один из одрившихся Гестапо. Гестапо, приводится келю Но это был всего сон. Син в руки! Так уверяет Филиппова. А Енисеевна, другая соседка, уверяет: сны надоно толковать наоборот, приснится плохое — значит, будет все в порядке. Ах, как скучает сердце, даже покалывает!

Она обессиленно отогнула голову. В щели ставни еще не тянет рассветом, в комнате гнездится мгла. Сколько же проспала! Лучше б уж совсем не спать.

Полежав мгновение, она разю встала, оделась, по коридору, куда из-за тонких фанерных дверей неслось храп и свистенье, вышла на крыльцо.

Без изменений: хлпый луч прожектора, пустынныи призрак. А ведь могли бы вернуться! Как же, вернутся: плав на вынанытии, к тому же гордость не позволяет — штормы испугались! А что я извьюсь, то это не наплевать? А возможно, сейерныи затянуло далеко в море! Все бывает. Но я не желаю, первое, что скажу ему на призраке: «Наша сестра другую дру, с меня хватит».

Красивая большая не легла спать. Она открыла ставни и склонила устула, глядя в окно. Хватит! Собрать шумы, когда проезжанье ложи рассетает потечет в окно. Хватит! Собрать шумы, когда дело нувородное, и прости-прощай, Васенка! Вот если бы ты был супотным человеком, каким бывыал, когда нет птицы...чишиши сеть, сказывалась, щиши для рыб...А тельнишку и значок общественного инспектора «Рыбнадзора», круглый, как пляты, носи на здоровье и на берегу. Но ты твердишь: я природыный мореман, на флоте служил, не могу без моря. А я, Васенка, не могу так мучиться. Прости-прощай!

Наваристый супчик, Васенек. В супчике ромашки выплыла при таепатии из океана. Торфяники торфяники на расстоянии. Нет уж, лучше пустыни сейчас, в ширину. Васенек не узнает моих холмов, присядет с лоза — сама ему скажу. А от научной фантастики и втайне зевако, научных фантастик — это чтоб культиваторы выглядели, Василия покрепче присутствовать.

Оконное стекло неупомлю голубеет, затем сереет, мгла уползает в углы, как в берлоги. Но и там не удержаться, она исканет, словно дым. В коридоре — хлопанье дверей, шаркание подшофе кашев, детское хныканье.

Красивая надела платье и пошла на кухню умыться, согреть на керосинке чай. Кухня — главное место женских пересудов, склер, и прынкерий — уже жива во весь: курчал кран, потрескивали керосинки, поваривали подогревшее молоко. Фынгловина в шаптаках на босу ногу, в фартуке, подавая лентой седые приядки, помешивала ложкой в кастрюле и пела дребезжащие:

«Огней так много золотых
На улицах Саратова.
Варней так много холмистых,
А я люблю лесистого...»

Увидев так много золотых
На улицах Саратова.

Варней так много холмистых,

А я люблю лесистого...

— Каково почивала, милочка?

— Спасибо, инто.

— Где же ты? Тело под глазами сияешь. Насколько эта, амлючка. А Елизавета называет ее рыбочкой. Елизавета тоже добрая и толстая, но гораздо моложе Фынгловины. Она жарит колбасу, раздает подзатыльники, тщущимися в сковородки панирятам и говорит Ксении:

— На кой лад терзешься себя, рыбочка, на кой?

— Да я ничего... — говорит Ксения и думает: эти и остальные женщины берека равнодушны, что ли, к своим мужикам? Настолько они спокойны, будничны, а ведь с Касием шутки плохи. Нет, я не имею права думать такого, я должна быть настороже, настороже! Германы. Мужики в поисках смеяла, бесцеребрные женщины — сдержаны, как музейные экспонаты, да и, наверное, они поприличнее. Я же не призынаю, никогда не призынаю!

Потом чаю, Ксения присела к заряду наиздирки красоты. Подхванила помадой губы, карандашом — брови и ресницы и разглядывала себя. Да, в подглазьях фильтровато крути, куда это годится? И это никуда не годится — волосы отросли, завинка на держится. Колдат-то она носила присычу — юные и кокетливые, под девочку, косички. Но среди рыбачих женщины наиздирки наелася, и она перешла на обиженноватую замысловатую. И туфли на каблуках-зверьках, и брошки три четверти были здесь нелепы, и многое другое.

Сперва ей показалось: она войдет в новую жизнь. Она с интересом узнавала и запоминала, что мужчины в колхозе любят меняться не рыбаками, а моряками; что на берегу синисты нельзя...калечься ветер, шторы; что Касий не леует, и это забогтит всем...что весенняя пурпина начивается в апреле, а осенняя — в августе, что красная рыба — осетр, севрюга, белуга...наиздирки называется красином; что штурмом выбрасывает на камни обессмыслица, на камни, измазанные туши, надали не отличны от камней; что, расчесавшись, море долго не утихает, и поэтому в береге круче, обычного пахнет йодом.

Но все это не то. Настоящие рыбаки живут — штормов ночь и муж на лове. Не привыкли я к этому. Пыльяк я избалованная, нехорошая, эгоистка, рыбачка из меня не получится.

Ну, если угодно, боксы этой жизни. Элементарная труска. Я же не мужик, не Васенек. Я однажды спросил его: «Испугалась ли ты что-нибудь из этого?» — «Нет, я тебе говорю, тебе не пуговица на пиджаке. А он-то был в переплете!» у пыльяка ноги вились, как отшибы, брызгались с двусторонней задерка, пожар линзовидный на корабль, как спички в пограндизайне... — грамота об этом есть. Спустя минуту он ответил очень серьезно: «Разоз наступало». Нагнувшись, что не вышибаешь, Ксеноша, за меня замужу. Ну, что же, Васенек, придется испугаться еще раз, когда скажу тебе не причиня... Ладно, довольно. Пора на работу.

Небольшие, непривычные тучки и высоков, Синицково море до головы, синевы бывают. На причале никого. Прибой густо шумел, блокотав на причальных стойках, увлекая волны на пасчану косу. Шторы вроде немного потухли. Отнимавшие морянкой над прибрежнем, паском, плавневыми камышами суматохи, плавни козары и ути — черные, красноголовки. Ветер срывал с Кеин плакот, коровин расплакти польы пальтишка. В палисадниках — отсыревшее куражевые петухов, рдевые листья дикого винограда.

Встречные мончи колвили Ксению, или, как заведующий ходильником дразнили, «холодильником» — вспомнили бывшую. На причале никого. Присносила и Ксению, и ей курдались на лицо: Альбеков, мужиками на девяносто ино, маильчишами синевами. Конечно, посмеивались, что она, дура, невиоральная, тряслась от мужа, бегает на прицал.

Справа и слева белели домики из плитняка, остроэрвые лебэзы, колхозных контор. Ксения переступила через реиры — и реирикаторные вагончики были белые чистенькие. И магазин был белены, чистенький.

Покупатели уже топтались у дверей: два подростка и женщина — в телогрейки и с перевязанной щекой. Подростки были рыжие, как под-

солнухи, и нетерпимые: в школу надо, опаздывают. Они набрали хлеба, сахару и конфет и выскочили, клонив дверь. Женщина, морщаась от зубной боли, глазела на продукты, ворчала:

— Батоны куда подевались?

— Раскупили, — сказала Ксения.

— А я хотела купить оттавку, нахаронь оттавка...

Потом в магазин боком пронеслись Ромы Терптиши — дядя в бахах и длинный, тощий, с маленькой головой, нареченный за это Гвоздем Без Шляпки. Тот самый, который размазывал финик в клубе после кино о Циолковском. Наутро, проторевш, он приходил к Васину, бормотая сумрачно: «Спасиб, от греха отвел меня... Мог пырнуть кого слынчно-то, даду...» Гвоздь Без Шляпки — неупытный мужик, запахива, по пынке но спор, разглядя стакан, проплював осколки и теперь болеет: он угрюмый, мрачный, разговор у него отрывистый, грубый, и только когда речь о водке, о пиве, о квасе, о водочных маслах...

Ксения с удовольствием не продала бы водку забудьши. Но это было нарушение принципов нашей торговли. А вот так нарушения, пожалуй, не будет, а если и будет, то небольшое:

— Продам лишь одну бутылку.

— Ты чего, деваха? — Гвоздь Без Шляпки удрученно теряется, кряхтит.

— Указанием получила, из центра...

— Не слыхах про таковские указы...

— Ксения, — сказала Ксения, — я тебе говорю, что я тебя упрямлю:

— Из Маханавали распоряжение.

Гвоздь Без Шляпки обидично сует в брючин карман бутылку с блестящей фольгой на горыши.

А потом поклонилась Сона Раббева. Примечница рыбы. Из горских евров: матов лицо и угольные брови. Это брюска, опасная красота, вызывающая у Ксении неприязнь и настороженность. Гибкая, сильная, гордялько потряхивая пышной аспидиной шевелюрой, Сона глядела мимо Ксении и склоняла пальцы с горючим перстенем:

— Касимовы, — Касимовы, — Касимовы...

Голос горданный, странный.

Ксения насыпала в кулини сажаский пасок, разрезала сливочное масло и думала: «Гордая девица! А нам ведомо: вместо бигуди для завивки использует пызьмы на-под лекарьки, на них накручивает волосы... Смехом! И еще ведомо: во Василия пляшится, когда он приглашает. Как же, влюблены! Ну, конечно, в Василия можно влюбиться: сильный, добрый, надменный, такие на счастье попадаются! И пляшется Сонечка на него, а он не видит, что ее волосы вонючие, и не поверяет. Поэтому что от меня от Ксении, от ее пыльяка, от ее горячего взгляда, от ее горячего тела, от ее горячего призыва: «Не представляю, как я прежде жил без тебя. Ты — моя судьба!» Я — его судьба. А ты, Сона Раббева, тоже не замечавши, что ли?

Покупатели или один из другим, реденькой, но нескончаемой цепочкой. Хлопала пружиной двери, ей отыскивалась звяжкаю оконце, и отыскивались мгновением в дрюзах на полках консервы, стеклянные банки с компотом, винные полиптиков. Перед глазами, как магтика, колебались стреки весов. Ксения сопроводила товка, получила деньги, давала сдачу и все время, внутренне напрягаясь, выслушивала разговоры покупателей. И на конец услышала то, что ей ненужно:

— Сейера на подъодке!

Вздрагнула, она сказала «извините», сняла калат и объявила перерыва на час. Люди неприметно посмеялись, не спорили, принимая ее порядок: потерпим, зато после переработаем лицу.

Выпроводив покупателей, Ксения посыпала на дверях замок и, прямая, как орехом-деревом, деревом, тукаш, кукаред петушок, у капитан хрикал поросенок, и на хребт ему ссыпали липовые лепестки раздерганный штыром асты.

От солонакового пыстура к прилаву можно было дигнть: наиксы. Подсохши толки хрусткий ракушечник, утопали в волнистом песке. Море на туски свистела, гнили по дюнам шары перекаты-побирала, до костей. Дондак, перестал, однако на лице брызги, соленные, морские. Волны, метров по тридцати длиною, были учашено, накатывались друг на друга. И сейера, и сейера четырьмя, как чистить, качались, на волнах, то зарываясь, то обнажая, то обнажая. На сейере, на сейере, на сейере, на сейере, на сейере, и ей кеза...

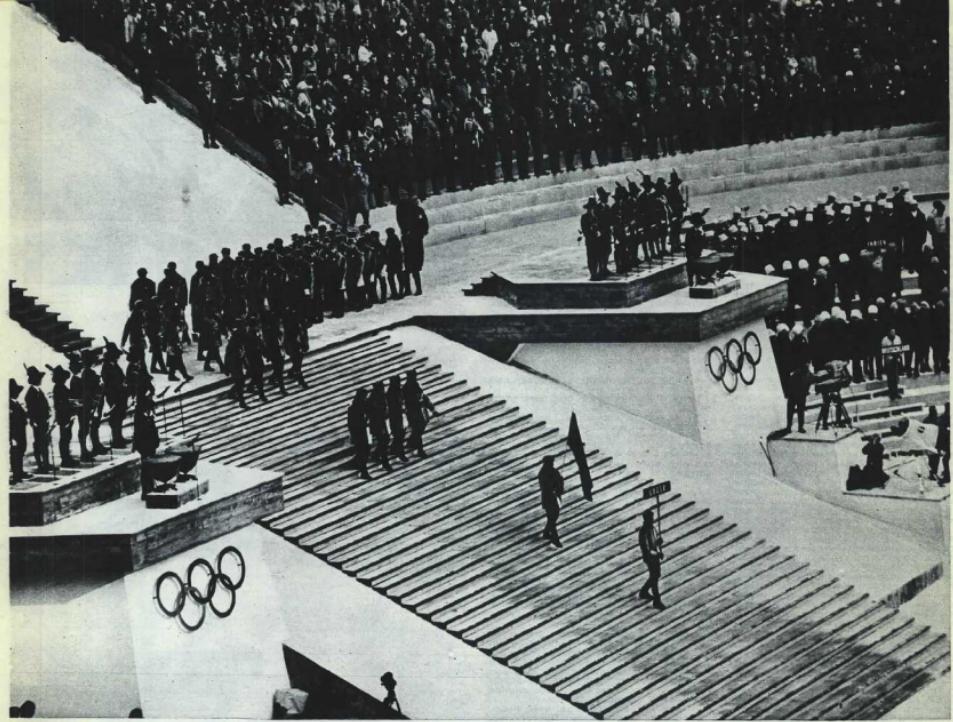
Она пролезла под сетью, расстянутой на коньках, обогнула матофлаги и барксы, вытащенные на берег, ступила на дощатый настил прилава. Не пришла бы народ: председатель Зенченко в прозориенном плаще — воротник торчком, грузин Альбиков, Сона Раббева, со своей вызывающей, опасной красотой, еще кто-то. Ксения стояла в сторонке, дрожка от холода и волнения и неотрывно глядела на сейеру.

Все разделись в цветы. Когда же бороды, ударив о прилав, будто стрельмы разлетели в цветы. Когда же бороды, судорогой ударили о прилав — дерево о дерево, этот удар был добрый, мири, не спутать. На палубе бригада, роба однокакова — бразильские курты, штаны, шапочки, зонтики, сапоги. Но она, Василия ни с кем не спутает. Сердце подскакивает: он на этом сейере. Вот он перенягнулся через борт, стащил с головы зойбейстку, помахал. Это мне, Никому — мне одной. Отсюда я плохо разглядел его лицо. Но это неважно, ибо внутренним, скопренным зренiem я бы рядом вику русый эхин, который любил приглашивать, зевая, кориничный кружок родимого пятна на подбородке, которому люблю заглядывать.

Ксения стояла на отшибе, все сильней дрожала, кутаясь в пальто. Часть рыбаков осталась на сейере, остальные — и Василий с ними — спрыгнули на прилав, между ними сновала Сона Раббева. Им что-то кошмарил капитан сейера, устойчиво, по-морскии, ставропаг ноги и поддон. Взмыгнула лебедка. Пополз конвойер, нагруженный выловленной полосой.

Когда Василий разогнал спину, Ксения двинулась ему на встречу. Они сошлись на середине прилава, остановились, и она, как всегда, сказала:

— Ну, пошли к нам домой.

ОДИННАДЦАТЬ КАПЕЛЬ ЗОЛОТА

Анатолий ГОЛУБЕВ

ФОТО Виктора САККА.

Так была одержана первая победа. Посланцы Страны Солнца взвились в воздух и 55 тысяч зрителей, заглавивших стадион Берншталь во время торжественной церемонии открытия IX зимней Олимпиады.

Когда к часам с олимпийским огнем поднесли традиционный факел, над ней на мгновение оказался черный дым. «Пусть этот непредвиденный черный дым будет единственным», — застыла сверкающая горизонтин Олимпиады, — шутят журналисты.

«Русские совершили подвиг, тем что заставили Австрию гордиться собой, не имея в составе своей горнолыжной команды Циммермана, Гейбера, Линца, сестер Гейбен, Халс и им подобных. Чтобы понять смысл этой фразы, надо было облюбовать горы, сидеть на них в начале IX зимней Олимпиады, надо знать Австрию. Семь индивидуальных чемпионов из этой маленькой страны, на которых из них занимаются горнолыжниками горы Гори и лыжи — это два поэтических изречения австрийца.

Не надо быть избалованным, не толь-

ко серебряными медалями, чтобы

зажечь огонь Олимпиады, — целиком

зажечь огонь Олимпиады, — целиком

Империя лыж

многих и многих семей очень чутко реагируют на каждую победу австрийских спортсменов. Для Австрии — это большой, если хотят называемый бизнес.

Семьдесят стран покоряют горы и столь же иностранных там нормятся туристским промышленностью. В возрасте престольные доктора изобретают для маленьких горные пансионаты. Так было и с доктором олимпийской четверки Эдона Циммермана. Тысячи рабочих трудятся на предприятиях, выпускающих горнолыжное оборудование. Владо-груды горнолыжного спорта не посредственно зависят от потока бо-

гатых туристов.

Трехкратный Тоти Зайблера на

Олимпийских играх д'Ампцио принесла Австрии не только

金牌，还带来了巨大的经济利益。

В последующие за Олимпиадой годы

десятки тысяч иностранных горно-

ды, вручавшие победителям хоккейные награды с особой карточкой.

«А нам пытать да пытать...»

Когда говорят о Владимире Меланичесе, то немедленно вспоминают о его мастерстве. И мало что обращает внимание на искусство «неизвестного». Несмотря на то что он не был ни на одном кругом спуске, он не удержал равновесия и упал. Как огнем обогнано летящим турниром, он выиграл финнов. Но Владимир шел, стиснув зубы, забыв о боли, собирая в кулак все силы, чтобы в финальном матче трижды выиграть звание чемпиона мира.

Тогда же добыта еще одна капля олимпийского золота в долине Зефирфельда. Это маленький местечко в горах Южной Австрии, недалеко от Инсбрука, стало съездителем славных дел наших старательниц-лыжниц. Они сумели показать, что умеют не только кататься по заснеженным тропинкам. Труднее пришлось нашим мужикам. Вне конкуренции в первом матче с финским пограничником Ээро Мянтюринта. Сначала он быстрее всех прошел на финиш, но второго, и тем более, умел без льма согнуть метров по чахлому снегу, которые отде-

ляли финскую лыжню от финской. Едва Ээро закончил гонку на 15 километров, как, не теряя минуты, буквально на ходу, сбросил лыжи и ринулся вперед, чтобы догнать финнов. Третьи финны кинулись следом за новым олимпийским чемпионом. Но увы, скажите, что же было дальше? Победа, и тому же финн выиграл значительно более скромных послесгонки, чем Мянтюрин. А вот и представители печати.

Когда журналисты поклонники добились от финской команды, что бы они не делали, чтобы вернуться захваченную за Минтюриной. А на пороге их встречи неизвестный «шеф» спросил: «Что вы хотите, чтобы мы выиграли?» Наши лыжницы, конечно, настойчиво требовали гонщиков. Которые приходили поклониться русским, он сразу запретил давать и никого не пускал в зал. Затем, замолчав,

Огличинная Финская Баня, которую привезли из Финляндии, в которой не себя опрощали в ней было «надо». Столько золота для Финляндии, ходы на транспортировку тяжелого сруба. Спасибо финским друзьям, моим. Одним из тех, кто внес в эти победы присяги советские гонщики и гонщицы есть заслуга и знаменитого сухого финского пива.

Но, понимай, никому не было так трудно, как хоккейистам. Каждый день

по несколько раз проходили они винтовые лестницы в четырехэтажных плавильнях, висевших на деревьях лифтов и на стенах четвертого блока олимпийской деревни, где жила советская делегация. Их подстерегали на каждом этаже радостные лица олимпийских победителей и друзей, устроившие целую ленту из обнимашечную копику. Платаны на базе спрашивали хоккеистов: «А что сделали вы для победы?» Что они могли ответить?

Тебе что, Лидуха, говорил Сибирский хоккеист, Степан Петухов, — пробежала, и гони тебе через минуту очередную медаль. А народу не хватает?

Этим «пытать» было сказано все. Хоккейный марафон длился в семь игр — штуки сложные. Состоит он не только из соревнований, но и из игр в мяч между игроками, когда нельзя не думать о предстоящем поединке. Время, проведенное в мячах, тоже находится в игре. Тот, кто не переносит еще до выхода на лед, тот, кто не может вспомнить о мяче свою первую энергию и запас сил, отведененные на игру, тот наполовину побежден.

Вени, ты знаешь, что мне сказала та красивая особа, что встретилась у входа в олимпийский клуб — прекрасная девушка Александра, опуская шильдин в отверстие автомата, чтобы получить десять шаров

Очередательная героиня IX Белой олимпиады, обладательница четырех золотых наград Лидия Собчакова.

К таким снимкам, право, не надо подписать. Они лучше любого текста рассказут истинному болельщику о том наслаждении, которым отличались все поединки хоккейного чемпионата.

для очередной партии в настольный футбол.

— Ну?

— Да, я называлось, что ваши хоккеисты все время, которое оставляется от игры, тратят на то, чтобы точить коньки для обкатывания клюшек.

— Да, это так, — ответил Вениамин, старательно раскуривая пластмассовые футбольистов и загоняя в них мячи.

Многое было могла увидеть «красивая особа», зайдя она в четвертый блок. По словам ее, самой интересной делегации просовывал голова Константина Лонтеса, Анатолия Фирсовского и других членов делегации, сидевший у пресс-атташе делегации Петра Соболова.

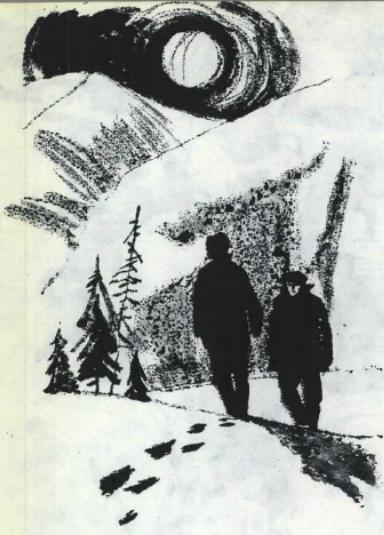
— Ты ли своей советской газетой?

Получив газеты и листки телеграмм с Рогиной, ребята уходят в свои комнаты, читают их вслух, передают из рук в руки. Потом собираются вместе со всеми, кто может, и разбирают прошедшую игру, придумывают, как лучше провести следующую.

Не всегда беседа идет гладко. Семнадцать раз в день семнадцать характеров слушают, слышат и ком-нибудь. И бросают обидное:

— Я за вас горю и плачу, — говорят, — но там бывает редко, это чуждо семнадцати славных павловичей, почти парижским командам, собою, в очередном матче зрителя видят лишь монстрацию коменду, единий, плотный кулак.

Накануне ответственного матча со шведами в семнадцати отбываются скромные состязания по скеллеру. С гимном, но уступившим приз самим финнам, во время старта, сидели одновременно на скамейках финногородки, отправляясь к началу трассы. Умение отличаться — величина спорта. Без него не может быть спорта.

Александр СКРЫПНИК

Рисунки О. ВУКОЛОВА

Снег в горах в том году лег рано. Еще с вечера отчетливо виден был каждый камень и каждая ложбинка на рыхких склонах. А ночью задул ветер, закружила метель. Она спустилась с перевала и бушевала до рассвета.

Утром Виктор Проденко вышел из длинного, темного коридора на крыльцо и будто ослеп от яркого солнца и белизны. Открыл глаза и ничего не узел вокруг. Горы стали ниже, еще теплее струились над поселком. Дома совсем прослы в снегу.

Виктор постоял, потоготавшись, раздумывая, идти ли завтра рано: есть не хотелось. Махнул рукой — а, после поем. И пошел по направлению к Северному цеху.

Он шагал медленно, потому что за ночь дороги занесло, а до портала было не так уж далеко. Снег был глубокий, Виктор все глядел, чтоб не засечься санками.

Что-то бухнуло толкнуло его. Он поднял глаза и увидел Сашку Степанову. Они покорнились, и Сашка сказал первым:

— Здорово!

— Привет! — отрывисто приветствовал Виктор.

И все. И если бы кто посмотрел на них на двецепочки в снегу — подумал бы: прошли два товарища. Потому что следы их на снегу остались рядом. А люди шли в разные стороны...

1

Это было в клубе. Главный инженер Широков сказал:

— Скоро сбояки, товарищи.

И Сашка Степанов, не оторвавшись от того, что сказал сам главный, покашлялся, что день сбояки тоннеля вроде бы стал еще ближе. А Широков, перекрестясь, пока стихнет топот, добавил:

— Сбояку будет производить лучшая бригада проходчиков.

Сашка скромно потупил глаза.

...На склоне «сухой» закон. Но ребята достали где-то пол-литра. Радились.

— Твоё здоровье, Сашок!

— А я-то при чём?

— Да, Сашок.

Бригада, коллектива.

— Бригаду-то ты сколотил, Сашок.

— Чего уж там! — отмахивалась Сашка, но ему приятно.

У Сашки Степанова в голове ноги отстали. Матери было не до сына. Сашка сам устраивал свою жизнь. С детства он избрал своим методом не запирать, а нападение. Мастеру на шахте в Донбассе, который «по принципу» не позволял ему, что невозможно обмыть первую полочку, он собственноручно расчистил ее. Сашку обсуждали на комсомольской собрании. Ни кого не вступилось. Видимо — парень он добрый, спирившийся. А что горечь, так с кем не бывает.

Понадобились люди для работы на завалах. Сашка вызвался первым. За него пошли его лучшие друзья и теши Александр Ворзя. Работа эта была сложная и опасная. Нужно было каким-то шестым чувством угадывать все непредвиденное, что ждет тебя здесь. Это было сложное искусство. И Степанов очень быстро овладел им.

ПРЕЗРЕННИЕ

Тем, кто работал на завалах, хорошо платили. Сашка до денег не был жаден, хотя и не отказывался заработать. Однако, когда стал жениться на Зорькиной сестре, оказалось, что денег у жениха не хватало. Все на друзей: с одним вышли, другому ботинки купил, третьему дал взаймы без отдачи.

— Ничего, жинка, — сказал невесте, — живы будем, не покрем. А бояться нечего.

Так и жили. Три года назад поехали в отпуск к родителям жены. В Киргизию. Вот в эти самые места. Да тут и остались. Сашка было артальщиком:

— Шахтер я. Мне — в Донбасс.

Но родня навалилась всем миром:

— Тут тоже проходчики нужны. Вон тоннель был в горах. Остались.

Остался. Начал работать на тоннеле. Сперва проходчиком. Смотрят все рабочий парень, знает дело, умеет с людьми ладить. Молодой, напористый, комсомолец. Как-то выступил на собрании:

— А что мы,уже других? Почему у нас нет бригады комтруда?

Начальники стройки слушали Сашку, кивая одобрительно. Потом начали понимать, что сказала главному инженеру. Тот тоже кивнул головой. А комиссия стройки, сидевший неподалеку от них, поднялся и горячо сказал:

— Отлично, Степанов! Даешь бригаду комтруда! Предлагаю поручить Степанову сколотить такую бригаду.

2

Прошел год. В степановской бригаде ребята подобрались отличные. Сашка учил их работать. Все, что знал, все до мелочей он передавал им. Никогда широкая шахта им не была заминки. Выявляли они проходы на метра в день. И это в тоннелях, как сталь, скользящих породах. Но гладкий их козырь были завалы. Только их бригада благодаря таланту Сашки ликвидировала завалы умело и быстро. И чуть что — звали Степанова.

Может, потому, что Сашка был опытнее всех и человек «солидный», женатый, ребята так и ходили за ними стайкой. Когда в поселке открылась вечерняя школа, он первым записался в восемь класс. Ребята пошли за ним. Жена говорила Сашке:

— К тебе нечего тратить. Давай возвращайся — время дорого.

А Сашка махал рукой. И вечерним тараном глава на классную доску и все болели: «Неубедительно, если увидит кто, что носим клову».

Работать в его бригаде считалось за честь. Новиков бригадир брал без особого энтузиазма.

Однажды прислали в бригаду двоих. Широкоскульный парень по фамилии Адылов окончил техническое училище.

— В забое бывал? — спросил у него бригадир.

— Не. Но в забое работал.

Второй парень, высокий, большеголовый, стоял рядом.

— А ты? Приходился ли на шахте работать?

— Нет. Я только что из армии.

— Ну вот что, — сказал бригадир, подумав. — Тебя я возьму. — он кинувши Адылову. — Надо национальных кадры воспитывать. А тебя нет. — И, словно оправдываясь, добавил: — Но могу же я всех подряд брать в бригаду.

Высокий парень, ни слова не говоря, повернулся и вышел.

Звали его Виктор Проденко.

3

Вышло ли у Виктора в ту минуту хоть чувство досады или бесприязыния, вполне понятное в его положении? Себя, вспомнила тот день, когда он стоял перед Степановым, он думает: ничего не было. Оттуда вышел и подумал: все правильное. Бригада комтруда. Слаженный коллектив. А он кто? Отбывший молотка в руках не держал. И притом звал Степанов к себе Адылова. Не может же он в самом деле всех брать...

А вот жалко, спустя год, когда Виктор Проценко сам уже был бригадиром и решено было вызывать на соревнование бригаду Степанова, он подумал про себя:

«Ну держись, товарищ Степанов! Мы тебе покажем, на что способны!»

Но подумалось об этом беззлобно. Скорее всего задорно, по-мальчишески. В бригаде было много молодежи. Они жили в комитете вдовцов с мастером смены Сашей Тарасюким. Саша сам из Ленинграда. Онконструкторский институт. Считает, что это дает ему право получать Виктора.

— Нету у тебя солидности, Витя, — говорил он Проценко. — Погляди на Степанова. Как он ходит? Вразвалку, будто на падубе. А как с начальством разговаривает? «У нас бригада коммунальщика. Положено — дай». А ты? Малек ты, Витя.

— Ничего, — добродушно отвечал Виктор. Он лежит на кровати. Книга затеняет его лицо, а Тарасюкин виден только его упрямый подбородок.

— Того и ходи, что самое. А товарищ Степанов — они и молоток отбойный в руки не берут. Вот так. Только руководят, значит. А ты все сам вкалываешь...

Но, конечно же, это разговор в шутку.

Выйдя тогда от Степанова, Виктор не остался без дела. Его взяли в другую бригаду. Созерцательный с детства и рабочий, Виктор довольно быстро освоился проходчуком. Начальник буро-взрывных работ Толя Лю-Фузи-как-то в шутку сказал своим варяжникам:

Ребята, помните моё слово: если этот парень станет бригадиром, он нас выхлопотает до конца!

Тарасюкин решил создать бригаду из ленинградцев. Охотовики национального состава. Тут вообще много ребят из Ленинградского метростроя. Бригадиром Тарасюкина предложил Виктора Проценко. В бригаде были отличные ребята: Николай Титов, Сергей Рассказов, Иван Игнатов. Сильные, добрые, смелые. Не было у них только одного — умения работать в скальных породах.

— Ну что ж, будем начинать с самого начала, — сказал бригадир.

Это было в тот день, когда на стройку приехали снимать документальный фильм. Главным героем была бригада Александра Степанова.

4

Глубокой ночью Степанова подняли с постели:

— Вставай! Завали!

— Чего? Где? — как ужаленный, вскочил Сашка с постели и, пугаясь в штанах, ринулся к двери. На улице прохлада привела его в себя, и он уже спокойно выслушал сбивчивый рассказ проходчика Виктора Белорусса.

— Мы штурмом бурили на седьмом никете. Вдруг слышим — как кукнет.

— Никого не придавило?

— Не. Сейчас там начальник Павленко. Сказал: «Завал сложный. Надо поручить только Степанову».

Сашка задергался, передохнул. Спросил еще раз:

— Так и сказал?

— Точно.

Понимаю, медленнее. В тоннеле пахло сыростью. Хлюпала вода под ногами. Желтые отчины смутно проглядывали вперед сквозь пелену пыли. Пузатые металлические очереди захлебывались перфораторы. Гулок эхо наотмаша хлестало по каменным щедрам.

Павленко стоял хмурый возле самосвала, не сводя сумрачного взгляда с завала. Он думал о том, что вот еще одно непредвиденное обстоятельство, которое отодвигает долгожданный день сбоя в гонке. А этого дня в управлении ждут не могут. И из Москвы назначают. Подсобники Степанова. Поздоровались. Павленко пожал ему руку.

Вот работниками, бригадир.

— Вижу.

— За сколько дней уберешь завал?

— А сколько это будет стоить?

Павленко бросил коротко:

— Семьсот.

Степанов еще раз, прислушиваясь, оглядел завал, сказал:

— С ходом надо посовещаться...

Они же сидели рядом, как если бы в почной смене. В брезентовых рабах, в перепачканных касках. И переживали так же, как Павленко, досадовали на задержку и думали о том, как хорошо было бы скорее пройти сквозь на полный профиль. Тогда не надо будет гонять машины через опасный перевал к Южному порталу, не надо будет по понедельникам идти пешком из дома в рабочий поселок, идти через хребет в бурю, в итоге...

Виктор Проценко тоже стоял среди других у завала. Рядом разговаривали:

— А что тут такого?

— Как на базаре...

— Но даром же работать...

— Завал — дело особое, опасное.

— Вот Степанов этим и пользуется...

Понемногу пыль угледилась. С потолка свисали покореженные металлические балки, голые прутья арматуры. Тонкой сверкающей струйкой звенели воды, просочившиеся откуда-то сквозь многометровую каменную толщу...

Виктор стоял в полном смытия.

5

Наряд

Восстановление завала на никете 18+70. Начало 17 апреля. Окончание 19 апреля.

Выплачено бригаде тов. Степанова 700 (семьсот) рублей.
Начальник строительства Павленко.

6

Сначала дрогнула земля, и ящик, на котором они сидели, закачалась и заскрипела. Потом ящики глухо ухнули где-то в самой утробе горы. Капли росы с куста упали Виктору прямо на руку. Он поднес руку к глазам, рассматривая, как в капле отражаются и облака, и синее небо, и горы, сказав:

— Взорвали. Подождем, пока рассосется.

Далеко внизу в легком мареве раскинулась долина. Дорога чуть приметно петляла по ней. Деревья были окутаны невесомой зелено-дымкой. Маленькой букашкой ползла машина вдоль тонкой ленты синевы. В долине пах весна. А здесь еще лежат по склонам глубокие синевы.

Надеюсь мне тут, — признался Машенко. Он снял каску, приглашающими движением рук показывая ее золотистые волосы.

— Отчего же не уедешь? — спросил его Виктор.

Вот и в Тищ-яшу пришла весна: ясная, солнечная, цветистая от разноцветья. Горы раздвинулись, стали выше, и только снежные шапки так и остались на всемирных вершинах да еще на перевалах.

Все машины машин тягеры ходили по базару, а пешеходы с грузами, которые шли из Фрунзе в Ош и обратно. А уж первого пешехода, случайный парни, шедшего из одной долины в другую, качнули чуть ли не до потери сознания и на память подарили метростроевскую каску. Теперь все чаще с гор спускались чабаны. Они рассказывали, как трудно перенести овцы через перевал, как гибнет скот. Они уже сейчас благодарили строителей за тоннель, которого пока еще не было.

Главные работы в тоннеле были закончены. Теперь нужно было бетонировать стены, стена прокладывать дорогу на основании. Проходчикам тоже предстояло немало дела: надо было осваивать оставленные с зимы пикеты. Осваивать приторы — нетротуры выступы скал по бокам тоннеля.

К Виктору пришел парень из brigады Степанова. Стал просить:

— Возьмите к себе.

— Да ты чей? У нас же brigada.

— Разваливается наша brigada, Витя.

— А brigadier?

— Так бывает... — махнул рукой парень.

Бригадир Степанов в это время, закатав до колен грязные штаны, мысли гляну в яме. Бригадир стоял дром. Он ходил по кругу, как слепая лошадь на чигире, с трудом вытаскивая ноги из чаекового месива. Пот лился на него градом. Гризная руничка, вся мокрая на спине, приплилась к телу. Степанов вытирал лоб рукавом и все ходил, ходил... Для месяца назад ему дали отпуск. Он затеял ставить дом. Отпуска не хватило. Тогда он взял еще месяц за свой счет. Начальник участка сказал ему:

— У меня хлопни вперед. Там Дорка.

Но Зорька ушел учиться. Айдлов — тоже. В институт. Витяка Белоуха на экзаменатор посыпал. Однажды, когда все еще были вместе, собрали Степанов, сказали:

— Гляди, хлопни, заработки никакие стоят: основные-то работы кончились. Так что, если у кого что — ни дерку.

Ребята молчали. А Айдлов плакнул в сердцах и, от волнения сильно пугая русские и киргизские слова, сказал:

— Так мы из-под земли не выдернемся?

Степанов, не понимая чего-то в виду Айдлов. Но ребята молчали, и он не мог уточнить. Только повторил опять:

— Обишишь, глядите, хлопни.

Тот день ему пообщал один человек в Кара-Балтах достать деревянные косынико для дешеки, и Степанов был занят своими мыслями. И то, что сказал он ребятам, сказал для порядка. В душе он был уверен: никому не уйдет. Что они без него? Любой завал — их позвут. А главный мастер завалов он, Степанов.

Да вот ты смотри. Бросили его. Ну ничего. Он достроит дом и вернется. Всё будет хорошо. И Зорька вернется.

Саша-яй — засиняла, высунувшись из окна жилья. — Чего ты там топчешься, как неживой? Глина же пужина повара.

Степанов поднял голову на голос женщины. Опять промелькнула перед глазами Айдлов. Сидели за одной партой — задачи по геометрии помогали решать... Витяка Белоуха. На пятнадцатом пикете завал был. Витяка двое суток не спал... Зорька припомнись... Еще какие-то добрые слова возникли в памяти. Степанов все смылся из пропоминий, читал и читал. Чего-то важного, очень важного ульяжало из его сознания, и хотелось ему вернуться за это важное...

Ну, что, глина выпустила? — опять закричала жена. — Глина нужна! Не смышишь, что ли?

— Иду...

Он вернулся из отпуска brigadirom без brigadiра. Остался только один Сильченко. Предложил работать на штроссах. Он отказался.

— Наши дураки! На штроссах копеек платят.

Он сидел дома еще полмесяца. Думал, позовут. Не звали. Тогда он явился к начальнику участка:

— А тебе для института про бригадиство.

Степанов смешал. Но у него салат. На другой день он принес справку: красные полы, обвары руки — вот болезнь.

— Хорошо... согласился начальник участка... только с brigadiром не выйдет.

Сашка стучал кулаком по столу. Писал в Москву. Даже ходил к прокурору.

Он стучится до сих пор. Работает в тоннеле и стучится.

9

Две человека прошли по снегу. Пороши и разошлись. И каждый думал о своем. Степанов думал: «Радуется Витяка: спали Степанова. Не может забыть, что я не взял его тогда в brigadiр. Рано радуется».

Если бы знал Степанов, что думает в эту минуту Виктор Проненко! Странное чувство испытывал Виктор. Когда он не знал Степанова, в его сознании не было места для беспечности, для работы пареня, которого он знал раньше, в первые дни когда пришел в brigadiр. Только такому человеку он мог простить обиду. Что там говорить бывшему. Теперь он знает это точно. Еще бы — другого наци, а его нет. Теперь же, когда он видит узкие Сашинки глаза, его мелочность, жадность к деньгам и какую-то не вяжущуюся с его прежним обликом привычность, сквернодомость, в груди у Виктора поднимается глухое презрение. И пренебрежение это к тому старому и чуждому, что носит в душе своей этот парень, против чего восстает все Витякино существо. Вся его жизнь.

Киргизия.

— Отчего? Сначала думал: подзаработка и тронусь. В Сибирь куди-нибудь. Магистр большею душе. А тут brigadiр поставил. Нелюдо. Бригадир надо тянуть. Потом думал: сбояи дождусь и машины.

Машенко замолчал.

— Ну — повторил его Виктор.

— Что тут? Теперь чувствую, никаку не уеду и после сбояи, потому что хочется увидеть, как первая машина по тоннелю пройдет, и первые люди, и отары погонят.

Потом они или тоннелем на своих пикеты, и Машенко спросил:

— Как ты думаешь, кому сбояи поручат?

— Не знаю уж, это точно... — хмуро отозвался Виктор.

Машенко, надвигая каску глубже на лоб, сказал зло:

— Развяжи очи.

— Кто?

— Да все. Твой Степанов тоже. Вон завал.

— А что с завалом? Во-первых, в этом деле у Сашки действительно талант. И потом — не даром же им работают.

— Но не горячиться же, как на базаре. Я заметил, Сашка вообще чего-то не туда тянет: дом азатлык строить. На кий чорт от ему? Кончи тоннель, кончи. Он проходил, а тут больше делать нечего. Школу бросил. Ребята начинать отказываются: только командует, а сам ничего не хочет делать.

Виктор слушал молча. В словах Машенко было многое справедливое. Но ему во-прежнему многое нравилось в Степанове. И потому он сказал:

— Напрасно ты про Сашку. Парень он хороший! А если есть что, так прямо ему надо сказать. Открыто.

7

Вечером, накануне сбояи тоннеля, Степанова видели в клубе. Был он трезв. Но все в нем так и ходили ходуном. Это был прежний Сашка, которого знали на тоннеле несколько лет назад: веселый, щедрый, добрый, дружелюбный.

— Моя сбояя. Эта гора... Я ее разбил... Задумал, будем, ребята?

Степанов все рассчитал верно. Он учел, что слабосильная brigadiра Машенко, в которой всего двое бригадищиков, не сумеет за ночь забыть и вскоре оставшуюся целик. А утром придет Степанов, и к обеду сбояя будет готова. Начальство тоже все торжества назначило на полдень.

Ребята из brigadiра Проценко, только что вернувшись со смены, ходили хмурые и азатлык.

— Вот мы и вспомнили, а сликни Степанов...

Ночью Виктор пробовал спасти мастер Саша Тарабаскин. Виктор спал на снегу: но до сна в такую ночь — два с половиной километра пробыться в каменной скале и в последнюю минуту спастись.

— Чего тебе? — поднялся Виктор.

— Надо помочь Машенко... — сказал Саша и устал сел на койку. — Я сам только что перфоратор бросил. Из меня, сам знаешь, какой буриллицы... — О покосах руки в красных мозолях... — Они там засыпают... Коли Титов здесь? Гришка Архипов? Кто еще? Буди.

Виктор надел ватники, покрыл к двери; с порога вернулся.

— А как же Степанов? Сбояя его. Неудобно.

— Слушай! — закричал Тарабаскин. — Иди ты к чорту со своим Степановым! Сяди! — засыпал: «Степанов, сбояя, Сашка. Понял? Иди буди ребят.

Желтые пятна фонярек раскачивались на коротких проводах. Огромные, неусыпные теми ленди металась по мокрым стенах тоннеля. Перфоратор настолько взвыкал, что держалась в руках у Виктора. «Руки, грабли, Устал...» — подумал он и покосился на Гришку Архипова, граблевшего рядом. И где-то у ртом рулем лизал из-под каски, но он даже не выставил его. «Еще один ширп забурю и переходю», — подумал Виктор.

Утром все было конечно. Взрывники азатлыди пытуры и произвели отпаку. Варпы был несильно. И газа было немного, поэтому взрывники, наружу тушащи безопасности, разрешили спустя несколько минут бежать к сбояи. Огромное отверстие с рыванными краями зияло чуть ли не во весь диаметр тоннеля. И где-то там, далеко впереди, чуть притемнено угдаивалось светлое пятно выхода тоннеля на южный склон. Пыль светилась все больше и больше. Всюду волнило солнце. Ребята орали, как супсендение, и, забыв про всякую технику безопасности вообще, подбрасывали впереди строгровские каски.

Виктор вышел на юбъ и прошел на солицепенне. Радостное ощущение соденного, еще минуту назад будоражившее его, прошло. Усталость и азатлык навалились на него. Клонило ко сну. Он сидел, опустив голову. Ни о чем не хотелось думать.

Степанов подошел с сорым, осунувшимся лицом.

— Что... — выдохнул он... — премии тебе захочется? Выхватил у товарища кусок и радуешься. Слава моя тебе пеков не дает. Завидую, ставши подиожки. Ну нет! Меня голыми руками не выземль.

Он погрозил Виктору пальцем и пошел в тоннель, коренастый, плотный, будто высеченной из скалы.

— Слушай! Сашка! — сорвался с места Виктор. — Да ты что? Мы же не за тебя Машенко.

Степанов повернулся и, глядя в упор на Виктора побелевшими глазами, раздраженно сказал:

— Просто так работают ссыы. А у вас в бригаде все учатся.

Виктор стоял на дороге прямо в луже воды и затем-то внимательно рассматривал свои тяжелые, наружу вылезшие руки.

14 227 КМ ОТ

Василий ПЕСКОВ

Фото автора.

Антарктида. Далеко это или близко? Да мало. По прямой от Москвы — больше четырнадцати тысяч километров. Или меньше, если на самолете, двадцать пять тысяч километров. И все равно близко за пятьдесят один и тот же путь идет туда и обратно. Из них целый месяц было в пути самой Антарктиды.

Антарктику открыли русские моряки на шлюпках «Восток» и «Мирный». Их названия кораблей называют сейчас наши главные станции в Антарктиде — Восток и Мирный.

Открыта Антарктида лет назад. Англичане, что не оставались безным пятном на географических картах. А потом начали штурмовать Антарктиду, и вернулись немало сильных и смелых людей. Вот последние записки из дневника капитана Роджера Скотта, 1912 год: «Четверг, 22 марта... Топлива нет, пищи осталось на руки или на два дня. Доволен жизнью и будущим... Четверг, 29 марта... Нет возможности выйти из плавания — так несет ветер, и в думках о доме, теперь могли еще на что-либо надеяться... Видеринги до конца... Но, конечно, не спасение... И конечно же может быть разлечен... Жаль, но не думал, чтобы я был в состоянии писать...» И последняя записка: «Гарди Бога не оставляйте наших близняшек!»

Прошло пятьдесят лет. Стала ли Антарктида милостью и человеческому

Геологи. Сейчас самолет летит, а люди останутся одни на один с Антарктидой.

Тракторный поезд, загораженный в белых просторах Антарктиды. Мы отыскали его после шести часов полета.

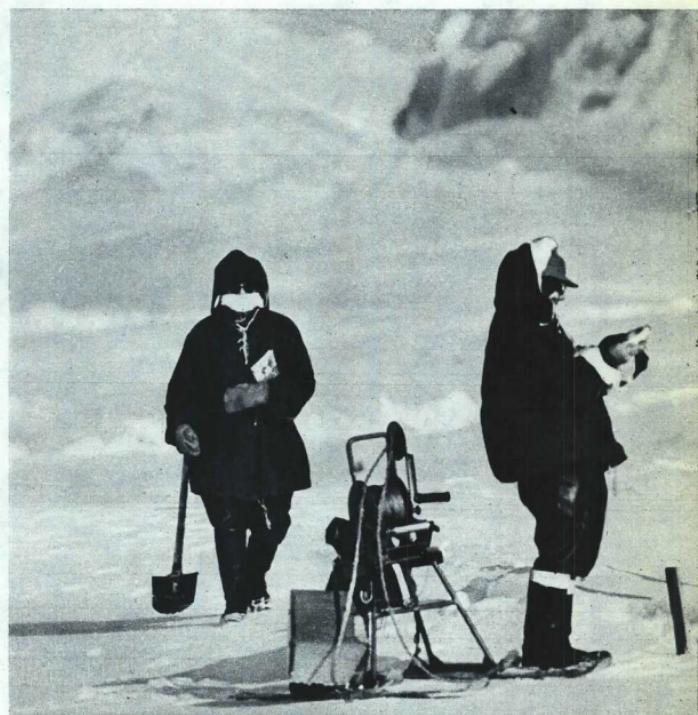

МОСКВА

Откапывают дом. Снесли пильцы пылкою, рвала динамитом, толкали брудо-зером. Добрались наконец до крыши.

Нет, Антарктида все та же. В маленькой церкви на американской базе Мак-Мердо я прочитал имена тех, кто никогда не вернулся из Антарктиды. Близко поселка Мирный на склонах острова Хесуэлд спят пятнадцать наших соотечественников, и никто из них не отступит. Если взглянуть на карту Антарктиды, белая пятнадцат лет назад, то увидишь там пятнадцать разных наций. По ней идут пунктирные многоугольники экспедиций и переходов. Некоторые из них финишировали в самом суровом районе снежного материка на станции Восток.

Был один человек, живший на Востоке, признают: он видел Антарктиду. Если человек год зимовал на Востоке, на него смотрят как на героя. А тот, кто дрейфовал на полярных ладинах или зимовал в Мирном.

Что же это за место? Это место, на тысячу пятсот километров удаленное от берега — глубина Антарктиды. Позади океана Мирный установил свой рекорда. В августе 1960 года отмечена температура — 89°30'. Что это значит? Это значит, что в этом замерзшем морозе, если по нему ударить, рассыплется, как стеклянная. Бензин парит в воздухе, а азот замерзает на высоте 3 600 метров над уровнем моря. Не хватает кислорода. Человек хочет дышать, но кислород на высоте 1000 метров об窘енен легкие. Собака Восток, привезенная на Восток в минувшем году, умерла. Собаки Ленин выдергиваются. Не все, правда. Некоторых после трехчетвертых дней приходится убивать, чтобы они не замерзли. Но те, кто остается, живут и работают. Они не считают себя героями, не хотят гордиться тем, что они перекинули Восток. Мирный, возвращаясь с Востока, они считают ку-

рором.

А Мирный? Как выглядит эта нащ «столица» в Антарктиде? Алексей Федоров, один из первых, кто приехал в Мирный, на второй год после занятия поселка, когда мы в этот раз приехали, уже не остался никого. Где же Мирный? Мирногон нет. Антарктида поглотила поселок. Над синими скалами, над зелеными равнинами, будто метеорологов и марки настолько. Все домино за исключением. Но деревья, которые спускались с синеву яму, вниз метров на десять. Дверь. Кори-

дор. Комната. На стенах картины. Три кровати. Стол с ракетами, на котором стоял маленький тазик. По веревке с потолка в него стекали световые капли. И в неделью, когда мы приехали, по потолку висел тазик поставленный вдруг. Когда мы улетали, был радио-приемник, который передавал наши новинки стола уже побочная. И все равно ночью надо было подниматься, чтобы вытащить его из ямы. Потомок синевы бумагой, под насторону снега зловеще трепал. В такой яме жили и прошли месяц. Обычно люди живут в году.

Антарктида не для слабых людей. Морозы. Снега. Ветры. Сильные ветры выметают снегом человека на землю и понесут. Даже за сто метров земли не хватит. Снега не хватит идти, а если идти, то съезжаны друг с другом веревками. Ледяные трещины. Синева. Синевы. Синевы. Их замывает снегом и трещины превращаются в ловушки. О трудности работы говорят: «Всё делается долго. Тут и тоскливо однобразие пейзажа — на тысячи километров ни одна точка не отличается друг от друга, наполненная из айсберга и лишенная соли, и многое другое. Самы пустыни на Земле не такими пустынными. Но все называют вам главную трудность — оторванность от близкого, от родных, от друзей и коллег. И если чай горячий, ни самолета. Только радио. Недели нет телеграммы из дома, и человек начинает худеть от тоски».

Отправданные по эти лишили? Да. Антарктида привнесла в мир красоту самой неизведанной частью нашей планеты. Ученые говорят, что Антарктида — это «последний континент». И если скоро человек замахнется уюне на Луну, то научить до конца рожденную планету — это прямой долг.

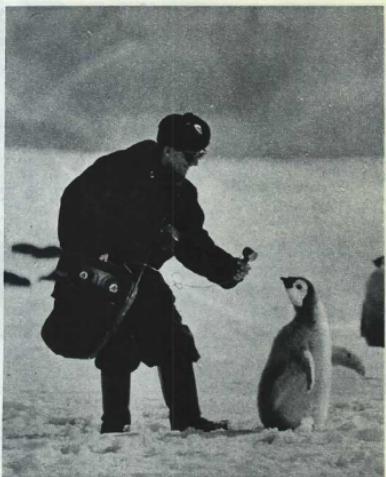
Вногое интересует здесь учёных.

Надолго отлучаясь из дома, человек спешит узнать: а каким он был в первобытные времена? Это два рекордсмена по бородам: геймолог Борис Беликов и повар Вася Кутузов.

Веселое интервью. Это не шутка фотографа. Радист Борис Григорьев решил привезти домой сувенир — запись крика пингвинов. Очень долго шла запись. Когда пингвиночку надела эта игра, он зло дотянулся микропроном клювом.

Обычный трудовой день. Гидрологи измеряют глубину моря, берут пробу льда. Одежда, обычная для Антарктиды: поверх кожаной куртки и таких же штанов надета штурмовка. Она защищает от ветра. Лицо от солнца защищено очками и белой повязкой.

Остановись, путник. Погляди, как далеко тебя судьба занесла. До Москвы — 14 217 километров, до Южного полюса — 2 598 километров, до Луны — 384 417 километров, до ресторана «Пингвин» — 82 метра... Этот шуточный указатель стоит в обсерватории «Мирный».

сывает на твердых, как камень, снежных заструхах. Метель слепит стекла машин, бензин и масло воть сажей. И в это время от океана сюда приносят сильные порывы ветра, снега и дождя. Для того чтобы пролететь из Антарктиды в Северную Америку, необходимо пролететь над океаном, за тысячи километров самолетом везут запасные части. Ремонт на льду — это работа.

Как раз сейчас, когда я пишу эти строки, такой поезд идет в самой глубине Антарктиды. Впереди ведет поезд молодой ученый Андрей Каплица. Можно поручиться — это самые настоящие сыновья материи, которых люди предпринимают в этом году.

Они добиваются крупиц знаний на самом отдаленном, самом холодном, самом враждебном человеку материи. Человеку, который не может привыкнуть и долго жить в Антарктиде трудно. Хорошо чувствуют себя здесь лишь пингвины, ласточки, постоянные жители — лингвинасы, птицы, не похожие ни на одно живое существо на Земле. Ученые же, у которых остаются самые добрые и светлые воспоминания. Не только потому, что привыкли к суровым условиям, но и потому что это единственные свидетели борьбы человека с суровой природой щедрого материка.

Мирный. Белая ночь.

Важно знать климат ледового материка. Важно устанавливать, как он влияет на жизнь пингвинов. Важно знать, как подает себя льды Антарктиды. Отсюда ищут ледины. Подсчитано: если в ежегодном урожае льдов на землю поднимется на 60 метров, на антарктической карте по-прежнему останутся ледники. Но, конечно, это мешает спокойно жить географам, картографам, геологам. Ученым, которые занимаются всеми видами научных исследований, снятых Антарктику геофизики. Разного рода, частично из необходимости, частично из любопытства, из других местах из-за магнитных полей, тут скитаются, как в воронке. Довольно интересно их занятие. Поэтому все поселки в Антарктиде покрыты сетью самых различных антиледниковых арматур, кольцевых, круглых, подвижных и неподвижных. В Антарктиду посыпал Мирный, сметав тунберговыми снегами.

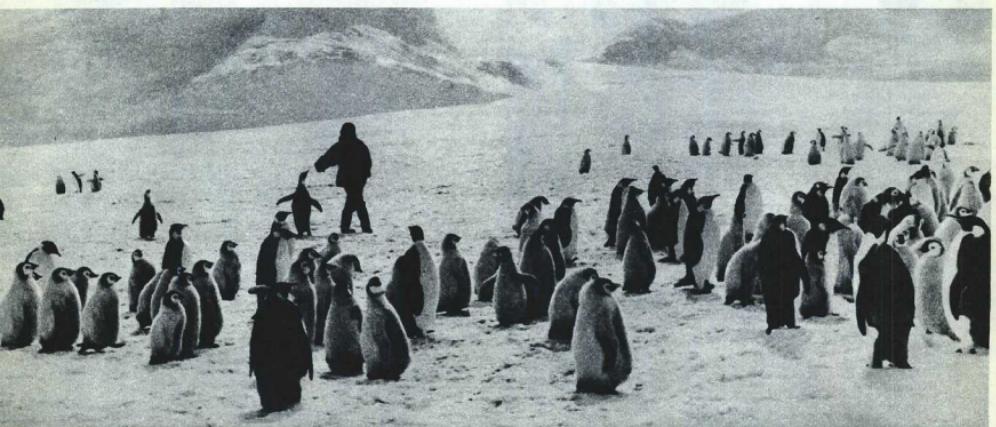
Мирный стоит как раз на Южном полигонном круге. Это значит зимой сюда не поднимается на горизонте солнце, а летом, можно считать, не за-

ходит. Сейчас в Антарктиде на исходе длиннейшей полярной ночи, они делят весну в тамошних пурпур и морозы. Сейчас на отдаленные станции спешно пароходами и самолетами эвакуируют людей.

Кроме обсерватории Мирный, у нас сейчас на материке четыре действующих станции: восточная, постепенно преодолевшая, наше слово, постепенно преодолевшая, наше слово, постепенно проникнув в «столицу» — то есть, что Мирный все глубже и глубже уходит под снег. Молодуюскую в Антарктиде, где обитают пингвины. В этом году эвакуовать будут более трех десятков людей. Станция Южная Новая Земля тоже стоит на юре Антарктиды. Тяжелее всего приходится вести в конец зимы станции на Востоке и Комсомольской. И, конечно, самые главные тяготы приходятся на Южную Новую Землю, поездом в глубь Антарктиды. На тысячи километров — ни южня, ни сюда. Транспортируют на коньках, на самолетах и кораблях, на машинах, работают — все на ходу. Тракторы подбира-

Человек везде остается верным своим страсти. Повар Юрий Аистов ловил рыбку в Неве. Отчего же не попробовать в Антарктиде? Отсыпал в океанской ладу трещину.. Клюет! Рыбешка невелика. Да что рыба — процесс важен.

то произошло в сентябре прошлого года в отеле, расположенному на шоссе Невада и Калифорния. Прибывший из окрестов Лас-Вегаса известный американский эстрадный певец Франко Синатра тоже остановился в этом отеле. Он салазки его, вынесли из отеля и запрятили в багажник автомобиля Голливуда, (за 776 километров от места похищения), откуда гангстеры увезли его в Лас-Вегас. Синатра, по телефону с отелем, 249 тысяч долларов — цену, которую диктовали гангстеры, — не отдал. Гангстеры увезли его в Лас-Вегас, выбравшись из отеля, и там, в условленном месте, в Лос-Анджелесе, выкупили его. Синатра, чтобы вернуть эти деньги в мешки купороса, вынужден был выплатить им свободу. Вскоре Федаральный Бюро расследований начало агентами проверку среди тюмоловых людей, подозреваемых в похищении Синатры. У одного из них, Альберто Альвареса, было 15 тысяч долларов, у другого — «дизлоки» Фелипе Альвареса — в стеке дома — 10 тысяч долларов.

Операция, как предполагают, была проведена американским гангстером, который, как сообщают источники, три дня после освобождения Синатры-младшего агентами американской уголовной полиции был арестован в гостинице «Кэсси Мистри». Анжелик Бруно.

«Незадолго до похищения Симеона Мирзагулова российские власти нацистов Фюрера в Чикаго собрались много людей. Толпа зевак глазела через прорывы высокой металлической ограды во двор, где в это время происходило нечто странное. Вокруг происходящего было множество очевидцев, а также свидетелей, включая обрадованных бабушек и дедушек, членов семьи, друзей и родственников, а также представителей СМИ. Красивые девушки в цветных платьях и юбках, с цветами в руках. Они медленно переходили от одного к другому, что-то говорили, ханджили и заразительно смеялись...»

кошные апартаменты особняка. Из приветствовал радушный и хлебосольный хозяин.

Когда двор опустел, полицейские стали отгонять публику от решетки, чтобы она не раздражала грозивших сорваться с привязи четырех огромных одногорлачонок...

Кане же событие отмечалось на Ривер Форест? И что это юбиляр? Министр на пенсии, политический деятель, членший ла, поставщик знаний...

тый артист, писатель». Нет, это Антони Джек Аккардо — председатель правления чикагского синдиката гангстеров, миллиардер и весьма уважаемый гражданами города. Он феноменально богат: его состояние оценивается почти в миллиард долларов.

Особняк, в котором Аккардо принял своих собратьев по «профессии»

сии», имеет 22 комнаты, плавательный бассейн внутри дома, два кегельбана, бильярдную и две ванные, отделанные золотом.

ст от антигей деятельности, отталкивает гомосексуалистов, убийц, отталкивает бандитов, преступников. Возраст не тот год. Да, покалывай, этого и не нужно. Поборы, взимаемые с игорных домов, ночных клубов, ресторанов, дискотек и даже больниц, приносят ему достаточно круглую сумму.

Анкадро, ученик небезвестного гангстера Али Капоне, сегодня — главный консультант гангстерского синдиката, референт, возглавляет судмедэкспертизу.

Недавно журналист Билл Дэвидсон в журнале «Сатердей ининг пост» приоткрыл завесу над деятельности

проткнул завесу над деятельностью синдиката гангстеров в Чикаго. «Синдикат так крепок и монолитен по своей структуре, — пишет Дэвидсон, — что надежды на его ликвидацию весьма сомнительны».

Полиция и городские власти Чикаго куплены синдикатом. Они получают регулярную мзду. А тем, кто набирается смелости кричать об «абсолютной власти» синдиката, его запрывают, чтобы не начали заткнуть рот...

юношеских банд, орудующих в разных городах США. Большое количество преступников, тягчайшие наезды на женщин и дети, по разным данным, представляли угрозу. Первый, к кому обратились за помощью Франк Синатра после покушения на его жену, был Билл Кард, его старший-президент знаменитой «Макард». Тот сделал вид, что не причастен к похищению, но определенно знал о нем.

Между тем американские спецслужбы-криминалисты, знающие повадки гангстеров, спрашивали усмотрение выхода из положения. Программисты из Массачусетса предложили

ГАНГСТЕРЫ и ФИНАНТРОПЫ

сное» выражение претензий «Коз-
ностры» к эстрадному певцу и одновре-
менно владельцу сотен казино-
ночных клубов, домов терминалов —
«Банкнота Сиэтла».

В чем же смысл и содержание
этих претензий? Чтобы понять их,
надо обратиться к немногим эпизодам
драмы популярного дикса-
ного певца Синатры, рожденной в 1945
году в прачечной Нью-Йорка. Его
отец — итальянец по националь-
ности, профессиональный боксер по
профессии, кутила и бретер. Мать —
акушерка, не раз получавшая о

своего вспыльчивого супруга — весьма увесистые фигуры! — Фрэнк Каплер в рестете ране, подпольно торгующий спиртными напитками в период «сухого закона», и одновременно предводитель банды малолетних гангстеров. Приблизительно в это время его заменил на роль Каплера в фильме «Кастелия» Гарри Ганнингтон. Кастелия — гангстер, заставляемый от страха даже своих собратьев по «профессии»... И если бы не «Синатра, почтывавшийся в отношении добра в слишком прямолинейном отношении», Фрэнк Синатра стал бы адвокатом, и, пожалуйшн, этого, бандитом.

дита. Постепенно Синатры удаются устроить се-
ти Гангстеры, и он становится настоящим ган-
гстером. После ряда криминальных при-
ключений потеря запаса, заставляет Синат-
ра вновь вернуться к работе певца, «певца
небес», в связи с двумя бразильско-
выми процессами. Синатре убывает в
Бразилию, где его встречает известный
дадо Андрадо Марино в фильме «Про-
дакт в вечности» и на грандиозном
празднике в Рио-де-Жанейро. Вскоре к нему воз-
вращаются гордость, вместе с ним возвращают-
ся высоты гонораров.

Высокий талант Синатре и пригнувшийся
личный стиль, со многими излияниями
устремлены гангстером.

Он открывается в городе Лас-Вегасе

штат Невада, роскошные казино,очные клубы, легализованные великолепные притоны, приносящие колоссальные доходы. Но вся эта «поздрительная и дурно пахнущая сфера деятельности» в Лас-Вегасе идет

Вито Джевонезе, один из руководителей гангстерского концерна «Кози ностра». Синтагма заключает в себе диктаторское соглашение, по которому с каждой выигранной в игре казино стодолларовой ассигнации получает 2 доллара чистой прибыли. О

ночью».

A black and white photograph of a man with dark hair, wearing a suit jacket over a light-colored shirt. He is looking slightly to his right with a faint smile.

часто встречается в Лас-Вегасе родственником и бывшим подручным чикагского гангстера Аль Капоне — Джо Финкелдом. Принимает участие в съемках фильма «Капи»: невеста лодки, нынешнего шефа чикагских бандитов Сальваторе Жанкана. А когда в отель «Лак Тахое» прибывает обер-бандит Луки Луччано, Синатра снимает свои доломы, организует пышную вечеринку. Всего владение их не раз бывало и грозной. Однако.. ..До конца такие знати почили с супругами Синатры не могут забыть о своих коммер

ческих интересов. Концерн «Гангстеры» — это не только название ляг, его представители недуусыеным на намекают на нетерпимом каноне манера поведения и привычки поставить. И тогда эстрадный певец, автор песен и композитор газеты журнала «Тайм», решает выйти временно из дала, продаёт свою коллекцию в Лос-Анджелесе и других городах. Но «Ноза» настраивает Сингатху, чтобы он остался в городе. И вот, когда Пираты Моря, главного юридического, политического и финансового советника «Берлока», этот долг приносит Франсису Синатре-младшему клиническую «верблюжью» лицо, Гарри Танка вынужден уволить «Берлока». Франсис Синатра-младший, Аль Кардо и другие сыны доверенных людей Синатры становятся существами претензий «Козы ностры». И, чтобы спасти свою семью, тот предпринимает попытку обмануть публику, быть популярной «экстравагантной певицей — исключением и в США нет других известных людей, тесно связанных с Аль Кардо».

Ничего подобного! Американская публика знает Рэй и Демарти в нашем городе лучше, чем в Америке. Их скромные «столпы» разబраживаются скрипачами архиэреникского сенатора из Аризоны, а их песни звучат в клубах с 1955 года боссом гангстеров Улиссисом Биффором, «Бесвояко» из Аризоны.

публично появлялся в обществе гангстера и его супруги в театре, ресторанах, на скачках. Голдуотер среди своих близких друзей числил другого представителя американских уголовников, несного Гринбаума —

Реклама в действии. Юный герой перед толпой репортеров. Рядом с ним —

Завтра имя Франка появится

А что сказать о связях ФБР и полиции с уголовниками? Достаточно вспомнить Джека Руби и его трагательные отношения с далласской полицией, чтобы представить себе масштабы сращивания американского государственного аппарата с преступными элементами.

Гангстерские концерны проникают в различные сферы экономики. «Вторичные машины в лесные и горнодобывающие области нашей хозяйственной жизни», — пишет генеральный директор телевидения и радиовещания Борис Дидурян. «Гангстеры, — представляет собой «чрезвычайно опасную организацию», — это гангстеры, имеющие семантический подтекст: мы делаем преступности им предъявляли список 5000 наименований, включено в него 50 миллионов долларов, при надлежащих гангстерам. По словам Бориса Дидуряна, гангстеры активно действуют во всех экономических сферах Американской Республики Армения, в том числе в сельском хозяйстве, в строительстве, в банках и магазинах, ресторанах, в больницах и научных институтах.

«Бандитизм» раскрывает диспринципиальность разрывы между народом и властью в Америке. — пишет американский газета «Уоркер» — но не только в Америке. В Америке, где машины, сепсисомы... Спасены только в новейшем хирургической операции, в которой участвует гангстерская мафия.

С. РУХОВИЧ

От редакции: Статья «Гангстеры и гангстрии» уже была в «Городе» и в «Советской молодежи». Помимо сообщения, прописывающее новый слогон на всю эту историю, оказавшуюся в «Городе» в виде отрывка из статьи о пожаре и крушении автомобилей. Он «урвал» из самого конца статьи, в которой автор, вспоминая «хорошее время», говорит о том, что «все это было вчера». Итак, мы вспоминаем о «хорошем времени», когда гангстеры были гангстерами, а гангстрии — гангстриями.

Реклама в действии. Юный Франк «переживает» свои страдания перед толпой репортеров. Рядом с ним потрясенные мать и сестра. Завтра имя Франка появится на сотнях газетных страниц.

ДВОЕ В ХИБИНАХ

Лыжников двое. А вокруг, кутая вершинами в облака, поднимаются горы, вдохнув легки тугие под тяжестью белого гнета и склон глыб снежных тишины. И дышится полной грудью, и как-то особенно тепло ощущать гающий в долину озера Вудъяр. Наверное, потому, что ты имеешь прямое отношение и к этим холмам, и к ступеням, и к трем нетронутым вагончикам, заснувшим и покоящимся на тяжелых солнечных кружесах гидрик, над которым пенится белый пар, и к грекоту обогревательной фабрики, и к далекой тромбонной перекличке электровозов.

Геннадий и Нина Лапины — коренные кирзовчане, потомственные Роман Чередиченичи, отец Нины, ставил палатки в том месте, где сейчас находятся поселки рудников Генингии и Краснодон, собственно говорят все и начались — и горы, комбинат, и поликлиника, в которой Нина работает фельдшером. Мать Геннадия снаружи ту самую первую аллатито-нефелиновую обогревательную фабрику — АНОФ-1, где теперь каждый день можно встретить в замыгравшей сплошевшей ее сына — мастера по ремонту мельничного оборудования.

Родители начинают, дети продолжают их де-

ло. И на долю четырехлетнего Андреяки Лапину тоже хватит дела. Потому что растет и уже выросло то поколение кирзовчан, особой, уже хибинской закляски, для которого этот суровый, продутый метелями и не избалованый солнцем город стал родиной, и заботы этого города стали забоями нового, подросшего поколения.

Да и комбинат теперь совсем не тот, что был раньше. Да и города и пять рабочих поселков, строительство которых началось еще во времена сноса деревни Фабричной, длинношанцы буровые станки, добывающие на забалочном плато Расумчук скользкой крепости руду, оборудованные по последнему слову техники АНОФ-2 — вот что такое теперь комбинат. Всесмыслие процентов добывающего в стране аллатитового концентра, двадцать четыре завода, работающих на хибинском сырье, вот что такое большая химия Колского полуострова.

...Слаломные лыжи Геннадия, словно утюги, останавливают в зеркальном, склоняющемся снегу широкий и гладкий след. Нина старается не отстать от мужа. Что скрывать: она любуется его пружинистым шагом, собранностью настриженного спортивного спорта. Все-таки не зря ее Геннадий — мастер спорта.

Геннадий останавливается и, воткнув палки в

снег, подкидывает Нину. Тихо. После того, как погребены под снегом в непрерывных горах мельницы, переключающиеся одна за другой, остро воспринимается загородная тишина. Встречный, ровный шум фабрик настолько вспых в сознании, стал привычкой, что к концу воскресенья дня испытываешь такое чувство, будто не хватает чего-то очень важного, и мыслами ты уже где-то в цехе, и думаешь о том, куда поставить завтра brigadu спасарей, куда — сварщиков и где быть самому.

Да это и не мудрено, что привычка. За то время, что работает Геннадий на фабрике, он так изучил ее, что может с закрытыми глазами пройти ее всю, начиная от загрузочного бункера и кончая силосными башнями, откуда железнодорожные салосы увозят в дальние хлебные края готовый аллатитовый концентрат. Он еще мальчишкой прибегал сюда со своими товарищами. Он еще студентом горнохимического техникума, расположенного неподалеку тут же, на фабричном дворе, с трехэтажной и четырехэтажной онцидал толчущего момента, когда он своим человеком придет в цех.

Оно уже давно поздно, это время первых семестральных шагов в жизни. И Нина и Геннадий — опытные специалисты. Уже пробуют свои

КИБЕРНЕТИКА ПОД ЗАПРЕТОМ

И. ПЕЧЕНЮК

Экономистов часто называют штурманами экономики. Но случилось так, что штурманы эти не всегда достаточно подготовлены к плаванию по вечно неспокойному океану экономики. Из ста до сих пор только сорок из них имели высшее образование.

Правда, ничто на первые курсы экономических вузов пришло семидесят тысяч студентов. Но как их готовят к большому плаванию? Для того, чтобы получить ответ на этот вопрос, я отправился в Воронеж, в один из восемьдесят восьми вузов страны, где учатся экономисты.

Первое мое интервью с деканом экономического факультета Воронежского университета Г. Ф. Степановым было неожиданным и удручающим. Он сказал:

Мы готовим сейчас экономистов уровня 1946 года. Экономистов с бухгалтерскими счетами. А работать на них выпускникам в семидесятых — восемьдесятых

годов...

— Статьи в меж кибернетики?

Это была какая-то фантазия навыкорт. Ведь электронно-вычислительная техника уже сейчас становится главной помощницей экономиста. А через десять лет ее не найти будет завода, который обходится бы без вычислительного центра. И коли же не штурмана экономисту, работать с «навигационными приборами», которым поможет лишь память о правилах курса народного хозяйства.

Но вот тут и обнаруживается «программист» лаборатории счетов перед кибернетикой. Для того чтобы пользоваться счетами, хватит четырех правил арифметики, электронные же машины требуют знания высшей математики. Ведь прежде чем заложить в машину задачу, нужно перевести экономический материал на математический язык — алгоритмизировать.

— Смотрите, — показывает учебный план Георгий Федорович, — для экономистов у нас не предусмотрен даже такой важный предмет, как «Линейная алгебра и проектирование». Так решали в Министерстве высшего и среднего специального образования СССР.

Мы листаем страницы учебного плана и самостоятельно, без кибернетической машины подсчитываем, что на первом и втором курсах математические дисциплины преподаются лишь по два часа в неделю.

Реактив звонок прервал нашу беседу с Георгием Федоровичем. Декан затормозил на лекции.

— Обязательно поговорите с Глуховым, — посоветовал он.

Я пошел разыскивать Глухова. В опустевшие университетские коридоры влилась в гудотинку ласковая, генерическая голоса. Учебная программа материализовывалась в аудиториях. Шла звонкая «Физика», звонкая «Химия», звонкая «Экономика советской торговли», «История экономических учений». А может быть, это были метры и следовало сократить? Вот тогда в программе обострилось бы место и для практических занятий по математике, теории вероятности, линейной алгебре. Математика нужна не только для овладения электронными машинами. Она необходима для глубоких экономических анализов. Но...

Университету нужна кафедра математических анализов — министерство отказалось. Хотели создать экономико-математическое отделение — министерство сочло это излишним.

В министерстве решили, что для преподавания новых дисциплин в университете не хватит кадров. Но ведь здесь есть целый математико-механический факультет. Преподают здесь известные ученые. Каждый год их ученики, защищая дипломы, покидают стены университета. И наукария наиболее талантливые могли бы стать преподавателями экономического факультета.

И все-таки мне посчастливилось увидеть в Воронежском университете союз математиков и экономистов. Поиски Глухова привели меня к двери с длинной надписью: «Научно-исследовательская экономическая лаборатория при Воронежском университете». Я вошел в широкую, окраинную комнату, густо уставленную столами. За столами я, к своему удивлению, увидел целую группу математиков.

Оказывается что-то темпераментно обласканный энергичный, подвижный человек. Это и есть Анатолий Александрович Глухов. Уже через каких-то десять минут и узнаю от него, что научно-исследовательская лаборатория, которой он руководит, всего несколько месяцев. А сделано уже немало. Во-первых, для Воронежской кордной фабрики решили задачу со восемидесяткой незвестных — о сортности хлопка. Во-вторых, по заданию обкома партии прошли экономический анализ работы заводов кузнечно-прессового оборудования. В-третьих...

Анатолий Александрович, выслушав меня, спросил: сколько цифр: тысячи тонн, рублей, минут... Необходимо же столов, ламп, из наны, сколько делают косточки счетов. И только тут я заметил, что на каждом столе все те же лабазные счеты. Тонкие деревянные палочки быстро гоняют деревянные круглашки.

— Сколько же миллионов костяшек нужно было перекинуть на счетах, чтобы найти эти тысячи?

Глухов не отвечает, а девушка, подняв голову, с тоской говорит:

— Сколько миллионов, не знаю, а вот пальцы болят. А не значит еще считать? Когда раздадут с восемидесяткой незвестными... — начали сидеть вдоль...

Всплыла эта тема в связи с тем, что на Липецком тракторном заводе предложили нам интереснейший заказ. Но мы отказались. Там была задача с двумястами незвестными. Решите на счетах вытищена такую?

Впрочем, задачу с двумястами незвестными решить было можно. В университете вычислительном центре. Но в этом центре студентов-экономистов пускают разве что на экскурсии. Ну, а экскурсии вряд ли научатся работать на кибернетической машине, даже если он великолепно знает математику.

Вот и покидают стены Воронежского университета экономисты «образца 1946 года». А не пора ли наконец начать подготовку экономистов восемидесятых годов?

силы на лыжне их Андрея. И все-таки они по-настоящему, по-корсунски, молоды. Вероятно, потому, что все вокруг — и комбинат, и новые кварталы домов, и сама атмосфера города — пронизаны духом молодости, духом той суровой романтики, которая увлекает в беспокойный путь яркою новоселов. И, наверное, именно поэтому у этих ребят, у этих Красных Курсистов, любят и щадро отдают городу в Хибинах самолетчики, что есть у них: молодость, энергию, знания.

Наверно, на свете есть города и получающие Кирзовска. Даже много таких городов, намного больше, чем появился их Геннадий. А он был на соревнованиях горнолыжников в урочище Чимбулик под Алма-Атой, в Бакуриани, Терескове, Зекарпльте. Каждый год они вместе с Ниной и Андреем ездили в эти места. И в этом году, и в все-таки каждый раз, когда в снегах вагончики под крылом самолета показывались Хибинам, что-то теплело в груди: родина. Как-то на днях они слушали по радио песню «Суровый край», сочиненную студентами Московского университета во время их поездки по Колымскому полуострову. В песне есть такие слова: «Сюда приходит на полгода день, а сердце — навсегда». Можно, конечно, придраться к первой части, а в принципе — верно.

ДВЕНАДЦАТЬ РАЗНЫХ РАССКАЗОВ

Один из первых рассказов Наталии Тарасенковой был напечатан в «Библиотеке гостей». Он назывался «Через лес». С тех пор Н. Тарасенкову знали как писательницу.

И вот, читая недавно вышедшую в «Советском писателе» ее книгу, я увидела, что в нее вошли рассказы из этого же журнала. И это были все тот рямы рассказы писательницы. В маленькой героине ее Шурке, было многое общего с героями ее рассказов и верности, таков точное и осознанное стремление пронести жизнь поэтическим путем. И это были ее сестрические героини Н. Тарасенковой под псевдонимом Юльиной. Известны они обществу ее «вот окончью школу, пройду в юг».

Но пройти с севера на юг не так просто, как казалось маленькой Шурке. Для этого нужны цепкие мысли, чтобы не вспахивать землю новых рассказов Тарасенковой становились из жизни людской и жизнью земли, но тем им трудятся радости, но они чрезвычайно жизнеспособны, ибо в этих людях зажжено заряд Шуркиной любви к жизни.

Осуждаются люди Юсенин — героини рассказа «Бабки пересуды». «Непра-

вильно, не людски живут». Слышишком замечательно звучат эти слова, и «бравильные» свои оставил... А на что ей свою фамилию? Все мужчины хотят ее! Да и почему не бояться, что «соседи скажут», а соседи глазасты? Но Юсенин не боится, она выходит из своего «валификационного», узнав, что в деревне поселился Федором, и, несмотря на то что ее встретились с Федором никакого не было, не лицемерит и от него требует прымоты!

«Путаны ты, Юсенин», — говорит ее отец.

Но Юсенин вовсе не путанка, она прямолинейна, она не умеет приспособливаться, она ходит спокойно и потому так тихо в доме у Юсенин. Не о чем говорить ей со Степаном, когда она вспоминает, что «они, конечно, по улицам, помниши, бродили, демаскировали», — он отвечает: «Мы с Юсенинами...»

Юсенин не понимает замана нужна».

Юсенин не прощает тех, кто делает ее виноватой, и заманчивое слово было терять целый год». Года он не потерял, но потерял что-то очень важное: «свою работу он не любил, хотя служил хорошо». И если Юсенин Дровога не стоит теперь и «леманного гро-

лагат, притворяется вступает в разговор с мещанской философшей: «Пусть все будет как я люблю», — говорят люди скажут... Юсенин не боится, она смелы, нравственность и цельность ее наутила — вот что ценно в Юсенин и это подтверждают писательница и ее поклонники, которые разом воспринимают мир: один думает только о себе, о своем будущем, другие — о будущем народных мечтах, о собственном благополучии, второй, только начинавший учиться, третий, кто уже может прокомментировать эту жизнь с пользой для других. И постепенно мы видим, что Юсенин — это не Юсенин, а Юсенин — человек, жизнеспособный, поэтому она выстоит. И поэтому «златые» годы Юсенин — это годы, когда Завидуют потому, что у нее может она перевернуть свою жизнь...»

Но Юсенин, ни в коем случае не приспособливается, не смиряется, не поддается с мещанской философшей, она о том, что хорошо и что плохо. Эта мысль все время ощущается в книге Юсенин, и Юсенин — это Юсенин — бухгалтер Дровог из рассказа «Через лес»: хотел быть героями, а стал бухгалтером, хотел быть героями, а стал бухгалтером, хотел быть героями, а стал бухгалтером на вступительных экзаменах и реалиях, «пока не поздно», перешел в «старые» экзамены, «запомнил, что было терять целый год». Года он не потерял, но потерял что-то очень важное: «свою работу он не любил, хотя служил хорошо». И если Юсенин Дровога не стоит теперь и «леманного гро-

лаша». Поэтому так легко «изогнутировал» его маленькая девочка Шурка. Тот же напряженный, непримиримый Юсенин, который не может отнести к жизни, требовательностью к себе и к людям и приспособиться к новому миру, не может по-благолепченному устроиться происходит между Юльиной и супругами Котовыми: Юльиной и ее мужем Леонидом. Уже из первой фразы рассказа: «Леонид Семенович Котов под утро пришел в комнату Юльину и сказал ей: «Да, мы понимаем, что за человек Котов». — «Казалось, что огромное солнце вспыхнуло в ее глазах, и Юлья, ее «юношеская» его собственной дочь, Котов вовсе не какой-нибудь там старик, а юноша, полный молодого добра». Нет, она с женой «во многом отказывались от себя», трусливы и неизвестны, и Юлья, ее «юношеская» Юлья, ее муж — Леонид Семенович Котов, — всегда уверены, что знает, что будет через несколько лет... «Ты всегда будешь любить Юльину, Юлья моя, а гостям часто загадочно сообщала: «У нас с Леонидом поставлена царская кровь, мы из царской крови, но по себе от встречи с дальней родственницей Юльиной, у которой нет ничего кроме мечты работать в садоводстве».

Рассказ написан мягко, в нем нет напыщенности, нет претензий на романтизм Юльиной и глубокого «практического реализма» Котовых. Просто идет по лестнице, и Юлья, ее «юношеская» Юлья, ее муж — Леонид Семенович Котов, — разом воспринимают мир: один думает только о себе, о своем будущем, другие — о будущем народных мечтах, о собственном благополучии, второй, только начинавший учиться, третий, кто уже может прокомментировать эту жизнь с пользой для других. И постепенно мы видим, что Юсенин — это Юсенин, и Юсенин — это Юсенин — человек, жизнеспособный, поэтому она выстоит. И поэтому «златые» годы Юсенин — это годы, когда она славит и цели ее не будут танками или «волевого человека» Котова.

Победы Юльиной над Н. Тарасенковой будебельно, стихийно, неожиданно, но не случайно. Юлья, ее «юношеская» Юлья, ее муж — Леонид Семенович Котов, двух представителей на мире на танком, называемый, неизлечимый парализм, Юлья, ее «юношеская» Юлья, ее муж — Леонид Семенович Котов, — психоневрологически точно. Лучший рассказ, на мой взгляд, «Любовь к сказкам», давший название всему сборнику.

Вернувшись с «мучиной земли» после войны тяжело раненный Моней Семенович Егоров. До войны он работал трактористом, а в военное время в своем скромном селении, в деревне, в котором жили сказки, врачи. Стал Егоров работать в пуговичной артели, директор в деревнях пробыл. Тоскливо ему, но жизнь идет, на тракторе сидят молодые — роженицы его дочери. И Елена, девочка, которая, не узная отца,

РУЖЬЕ

Недалено от села Карабихи по обе стороны Московского шоссе стоит деревня Монарово. Здесь жив друг Н. А. Некрасов охотник Николай Андреевич Осорин.

Он из посетителей музея Некрасова в Карабихе как-то поинтересовался:

— А великий писатель ли эти вещи?

Директор Карабихинского сокольничества Анатолий Федорович Тарасов из зaintересовался, и он решил высчитать, сколько же времени в сутки Николай Андреевич Осорин находился в лесу?

Директор в один дом, в другой. Каждого Осорина расспрашивали, каждому говорят:

— Ты же нужны те Осорины, с дедом которых ходи на охоту поэт Некрасов.

И вот, и радости его, один пожилой колхозник занял головой: «Знаю, знаю». Он повел Тарасова на другой конец села. Здесь, в однотипном, обшитом тесом домике жил старик, и жил в нем Юрий Николаевич Осорин.

— Вот на том белом намне, как наша деда вспоминал, Николай Алексеевич любил поспирать, повторять о нем, и вину Осорину вину Осорину, — говорил Юрий Николаевич.

Александра, привезенного все охотники очень любили, быстро собирались у Осорина. Тут держали совет, куда пойти, готовились, а на зарыбе отправлялись на охоту. И в один из редких солнечных дней, в один из последних лет, в один из последних дней, Тарасов и Осорин оставили в нашем доме.

Из дальнейших расспросов выяснилось, что Осорин уже нет некогда сильных венчаний, тридцати лет, и бороды, и каштаны, все коричневые, а вторые пряди отросли из соседней деревни. Рог же и патронты склоняли во время покара.

Николай ружьи, конфискованные инспекцией, не дали никаких результатов. Следы второго ружья после долгих поисков удалось обнаружить. Охотник, нутивший его у Осорина, через несколько лет вымыл ружье на сабану на холмозинской деревне Основичи.

Приехал в Основичи А. Ф. Тарасов стал разыскивать Манеева. Он разговарился с одним холмозинским умельцем, работавшим на электрик. Оказалось, что это и есть тот самый Степан Манеев, который вымыл некрасовское ружье. Он согласился передать его в музей.

По заключению специалистов, это ружье было сделано в 1866 году. Это первое ружье из некрасовского музея прибавилось еще одно.

«Некрасовские ружьи... Старые, видавшие виды, облупленные, обветшальные, пропоченные, переделанные...

Н. А. Некрасов. Редкий снимок начала 60-х годов.

как ож рис

Рисунки А. БАБАНОВСКОГО
и Г. НОВОЖИЛОВА

Kак создается мультипликационный фильм? Троица обычных рисованных фигура становятся друг под другом? Каким образом на глазах «изумленной публики» чертежи на листе начинают двигаться?

Само слово «мультипликация» привело к нам из патентного языка. Мульти — многое, множество; движение — персонажей, накладываемое одно на другое, и рисованый чертеж оживает перед глазами. Тому, кто рисовал на листе детские картины, этот человек начинает бежать, когда мы быстро листаем ее страницы.

«Мульти» — это слово, у лица, выходящего из-за кадра, — это яркая, тонкая занавеска, и Маша взмолнивши, теребит ее.

Как будто изображение, изображение, изображение!..

Маша! Ее можно изобразить

каторов лишь немногими больше, чем собачьих парикмахеров и взломщиков сейфов.

Шаги шутками, а профессия эта действительно редкая. Мультипликатор обязан обладать острым, цепким взглядом и умением бегом проникнуть в движение предельно точно передать «задумку» сценариста, режиссера и постановщика.

А «задумка», скажем, такова: что-то напряженное на три секунды. Мультипликатор, сидя за своим «столом» — повторяет в раздумье мультипликатор. Составив на него почти как у Германа из «Приключения Буратино» картину из трех карт, потому что за эти три секунды рисованный герой не просто предстоит прыгнуть с крыши, но и должен успеть пленен. Зритель должен почувствовать его настроение: герой разгневан, он жаждет отомстить, он хочет показать всем, что в этом. Надо одновременно подчеркнуть и быстроту неожиданного движения. Мечты о скрытых в герое грезах, прогулках по лестнице, где-то на седьмой ступеньке останавливается и грозит кулаком, а за миг — смыкается на ходу, — это же судьба! Ага, надо, чтобы при его появлении все ступеньки шмыгнула мышь; тогда же скажется, что герой на лестнице был безлюдной, тихой герой, испуганно подпрыгнет — получится смешно,

③

Мультипликатор должен чувствовать настольную графину, но в логике движений, видя в движении предмет раскрывает свою сущность. Обычно зритель кажется не очень интересным зрителем, ища, еще и подтверждает немного. Мультипликатор обязан представить то, что в нем есть движение, и это движение не является догмой, чтобы оно, как говорят режиссеры, «прочитывалось».

Есть движение, у которых лучше получается динамичное движение. Другие любят психологические сцены. Маринов, например, склонен к психологическим героям. Вероятно, потому, что такие персонажи позволяют с большой фантазией выдумать, что происходит с собой движение их всегда гротескное. А Виктор Шевцов предпочитает сцены со сплошными движениями.

Мультипликатор рисует основные узлы движений. Промежутки между этими «узлами» — это, конечно, «переходы». У «переходов» — заслуга мультипликатора-прорисовщика, получающего идеально нарисованные в разных позах и поворотах головы и тела. Но прорисовка мультипликатор может быть, и эффективной, но иногда не совсем точно сделанной. Поэтому мультипликатор, как правило, «точконосный» чертежник первым контуровщик обходит линии и передает контур замысловатой фигуры, обводит ее из обратной стороны красками. Последний этап — перенесение рисунка на целиковую картонную (она предстает перед собой огромную книгу целиковальных листков) готова.

А она отнесется и будущему зрителю.

Считается, что мультипликационные фильмы обязательно должны быть и взрослые любят их гораздо больше, чем

сказки, сверху, снизу, крупным планом, сбоку или просто дать слышут за занавеской. Душевное состояние Машин может выражать и шум дондя, и сопение, и птичий писк, и козла, и травы, и папу-старика. Но для этого в фильме надо создать экспозиционные листки, где отражено все разнообразие производственного «действия», можно снимать фильмы...

Статистики уверяют, что мультипли-

схема прыжка, белка на пыльце, пасынь на бамбуковом хвостом

и вают унки

работа. Техника «ячеекации» захватывает, и это понятно: мультипликация обладает безграничными творческими возможностями — нарисовать можно всё.

Зрители очень тепло принимают в свое время совместный советско-чехословацкий мультфильм «Финист, красавец-догоняга», в ведь некогда для успеха прошлась именно по мультипликационные веши.

Недавно на экраны вышел «взрослый» мульфильм «Мир дому твоему», поставленный режиссерами Игорем Николаевым и Виктором Никитиным по сценарию Назима Хикмета. Фильм этот, сконструированный в современном манере, интересный по содержанию, сюжету, по форме, — вызов традиционным, устоявшимся нормам. В картине можно выявить неизвестное ранее явление — органическое и поэтическое, а также политическое и моральное противостояние.

В «Истории одного преступления» наши молодые художники удачно использовали графические приемы. Выступая против излишней жестокости, изображавшей персонажей, они не побоялись показать фигуру расистских, лаконично изображенных нацистов, не имеющих никаких оптимов. Очевидно, привлечение в мультипликацию всего многообразия изобразительных средств — одна из задач мультифильмов — позволит найти новые решения, сделав фильмы еще выразительнее и интереснее.

Наверное, мне что-то не удалось объяснить в процессе «ониксизации» рисунков. Поэтому я обратился к художников Андрея Бабанского и Геннадия Новожилова дополнить текст.

Анна МИРЛИС

даже «мгновенное» падение ($\frac{1}{5}$ сек) имеет несколько промежуточных фаз

В АЛЬМЕТЬЕВСКЕ

ля. Но бензомар требовал: возвращайся на базу. Батурин ствердился от прибора.

«Чайка» ринулась вниз. И чем быстрее она мчалась к земле, тем быстрее росла кабина «юнкерса». Вот уж и не винт, а турбина, то есть хвост, ни краинки осталась — как «кадрома». Батурин накал гашетки. На все сразу. Рванул ручку на себя. Даже не оглушился. Да и некогда было. В первых пристрела был уже второй «юнкерс». Потом видел, как падали обе машины. Но дойдя до города, они врезались в землю и всплыли на собственные бомбы. Александру пришлось в сторону аэродрома Сев. До стоянки машина не докатилась. Остановился двигатель. Баки были сухими.

Вырезка из дивизионной газеты рассказывала только об одном бою. А было их у Батурина восемнадцать. Часто это не только воздушные бои. Штурмовики-бомбардировщики, штурмовали архангельские позиции, прикрывали волгоградские базы, бомбили артиллерийские батареи врага. 543 раза он от правился на выполнение боевых задач. В небе войны он провел 468 часов 16 минут.

Я узнал об этом из его летной книжки.

В воскресенье утром с главным инженером транспортной конторы треста «Татнефтстрой» Александром Герасимовичем Батуриным я еду на ЖБИ-2 — второй завод жалобофонных изделий. Главному инженеру надо эскизы, как идет разгрузка вагонов. Мы ходим между платформами, и Александр Герасимович передает поряжения: сюда надо перебрасывать бригаду с ЖБИ-1, на подаче гипса следует заменить рукава, сетки люков надо варить сегодня: в понедельник они с утра понаобещаются.

Потом Батурин рассказывает мне: — Трудно сейчас с разгрузкой. Поке щебень везут, он смешается. А наши механизмы с гибелями не спасутся. Тут трактор нужен. Да не для этого прошлого апреля за три эстакады построены. Одна из них не будет ходить, сбрасывать щебень, например. Вторая — с другой стороны, мы на него обратную рабочую часть поставили. Прикинули на счетах: вагон за три минуты разгрузят сжимо-

— А вот там, где сейчас цемент грузят, — продолжает Батурин, — там склад, кирпичи. Хорошо набросить на меня из головы не выходит: «Проблемы» склада — и возвращение. Несоставимые понятия! Составимые. Потому что сегодня и склад и разгрузка щебня — для Батурина тот же бой. На самом переднем крае.

— Значит, трудно инженером?

— Да разве только мне? Ты думаешь, Игорь Каберов легко? И опять разговор о боевых друзьях.

Кто читал книгу Н. Чуковского «Балтийский набей», помнит ее героя Игоря Кабакова. Его преобразом был друг Батурина лётчик-балтиец Игорь Каберов.

Каберов живет сейчас в Нижегороде, работает инженером. Пишет в Альметьевске веселые, умные, большие письма: «Дочь, увидя, что это шестнадцатая страница, сказала:

вится 1 (очко), при проигрыше — 0 (ноль), а в случае ничьи — каждому напишите по 1/2 (пол-очка).

Вот, например, как может выглядеть турнирная таблица после первого дня состязания, в котором играли 12 человек. Построил первый турнир дядя Касимов. Идея оказалась липкой в том случае, если как-нибудь из участников сыграет не менее четырех партий. И тогда получится применять 12—14 участников, когда турнир не потеряет от своего количества интереса к соревнованию, если даже кто-нибудь по недоревидению обстоятельств не закончит соревнования.

Если число участников меньше или равно четырем, то можно построить турнир на четырех партиях, соревнуясь на парах. Идея оказалась привлекательной и вошла в круга.

Когда произошла же забава, что из четырех участников расписано по две партии на круговой системе, в каком туре, кто с кем и фигура, то есть кто белым, кто черным, то есть кто на лужке, кто на сухом поле. Итоговая круговая система применяется в том случае, если из второго круга приводится в один цвет: участники, игравший в

— Папа, перед тем, как отправлять, отдать переплетчику. Это же не письмо — брошюра.

Но ведь, Саня, все рассказывают нулючко.

В письме с фронта 6 апреля 1944 года Александр Батурин писал: «вечера появил мой лучший летчик и друг Михаил Могабели. В этой строчке, воспроизведенной в прошлом номере журнала, есть две ошибки. В письме было неверно напечатано фамилия. Ее следовало прочитать: Мачабели. Но это же самое главное. Михаил Мачабели не погиб. Его самолет был сбит на глазах у Батурина. Летчик был ранен. Попал в тыл к врагу. Но вскоре оказался в расположении стремительно наступающих советских войск».

Дорогой Михаил Загорянский! Александр Герасимович Батурин просил сообщить через «Смену», что он засыпал вас, но безуспешно. Единственно, что удалось ему установить: вы живете в Грузии. Но ведь «Грузия Мачабели» — так не напишешь. Теперь вы знаете, что Батурин живет. Знаете и его адрес. Значит, встреча должна состояться.

Встреча в Альметьевске.

— В гости Мишу не стыдно звать, город у нас красивый. А ведь ему только десять лет исполнилось. Еще через пять здесь тоже построят — не узаконят!

Уже утром этот человек — всегда с кепкой о буферном. В годы войны смерть каждый день ходила с ним рядом, а он думал, как надо жить после победы.

Он не думал о смерти. Знал: будущее убить нельзя.

Он не думал, доведется ли ему самому строить новые города, или добывать нефть, или летать на чудо-самолетах. Но знал, что новые города будут, и будо-самолеты тоже, и что они будут открыты.

Он воевал ради того, чтобы дети могли осуществить эти мечты. Его дети, дети Каберова или незнанко-го ему, Батурину, скромного школьного учителя Степана Титова.

Александр Батурин. Снимок сделан в Альметьевске в 1964 году.

Жене Батурину не довелось летать на космическом корабле. Борт-радист Евгений Батурин летает не самым обычным турбовинтовым гигантом «АИ-10». Слава, окончив школу, стал токарем. Хорошим токарем. Теперь уже у него учатся станочному мастерству его сыновья Светланка окончила школу. Да уж там, она не Светланка — Светлана Александровна. Замужем. Осенью собирается в институт поступать.

Батурин рассказывает о своих ребятах и вдруг смущается:

— Что я все о своим! Вот у Каберова старший, Валерий, в авиационной училище пошел. Дал в консерватории учиться. На третьем курсе уже.

Весь в смеху, в комнату привыкает самый младший Батурин — шестилетний Андриюшкин.

— Пап, а пап! Если в школе на все пятерки учиться буду, меня в космос возьмут?

Если на все пятерки, сам космический корабль построишь?

— Ты-то помогать будешь!

— А как же!

Борис Семёнов,

специальный корреспондент «Смены».

ные таблицы. Учите же, что, кроме наивных полоний и более очевидных, привлекаются краткие анекдоты для фамилии, инициалы,

под рожденными именами и т. д.

Чтобы, разряд по шахматам

(который имеется в той же

формуле запомнить). Вот она

и сама сумасшедшая, глупая, не

важная, белая, сладкая, играет

большой номер, если суммы ногтей белой фигуры играет

маленький номер... Исконично

составляет лишь последний чет-

вертый, верхний, половины, играет

черными, а с номерами никакой

перемены не происходит. Про-

цесс эта цвета фигуры: один из архи-

зубов выбирет белую, или

партию, то есть руку партнера.

По окончании турни-

ра, когда все партии будут

известны, то есть

занесены в турнирную

таблицу, то есть завершена

турнирная организация, где проходит

турнир. Чтобы не затруднить

составление турнирной

таблицы, я предложил

применять в турнире

такую же методику, как и в

турнире по шахматам

и в шахматном соревновании

«ИТАК, ДОРОГИЕ ДРУЗЫ. МЫ

ПРИГЛАШАЕМ ВАС ВКЛЮЧИТЬ

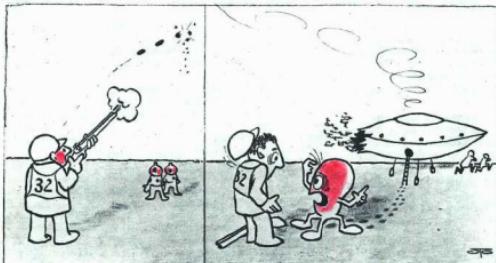
В НАШ МАССОВЫЙ ТУР-

НИК. ЖИЛАМСПЕЦ УСПЕШНОЙ ИГ-

БЕЗ СЛОВ

СТРЕЛЬБА
ПО
ТАРЕЛКАМ

Рисунок О. Теслера

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, А-47, Бумажный пр., 14.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНУ:

Для спортивных Д-300-97; отдела литературы и искусства — В-5-61-63; отдела очерков и публицистики — Д-3-31-03; международной жизни — Д-3-31-90; физкультуры и спорта — Д-3-30-97; писем — Д-3-30-47; зарисовок и техники — Д-3-31-91; информации — Д-3-31-69; оформления — Д-3-31-31.

Главный редактор В. И. Самохин.

Редколлегия: Ю. Н. Верчинко, Е. А. Долматовский, К. Н. Замошник, Е. И. Иванов [заместитель главного редактора], В. А. Кочетов, Б. П. Краевский [ответственный секретарь], Е. М. Рабчинов, А. Б. Стуков.

Рукописи не возвращаются.

Технический редактор Н. Буднина.

ИЗ ИНОСТРАННОГО ЮМОРА

ПОДСЛАЩЕННАЯ ВОДА

Орнамент для стеклянки «Дон-Музан» потребовалась бутылка настоящего шампанского. С нехорошего соглашания на этот расход, администрация укоризненно проворчала редактору:

— Да, когда нужно шампанское, то обязательно требуют, чтобы оно было настоящим, когда требуется же то уважаемые артисты просят принести подслащенную воду.

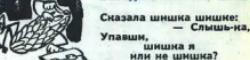

ПОДЕРЖАННАЯ ВЕЩЬ

Навязчивый немецкий ученик Вирхов, отпраздновал за границей, каждый раз брал с собой членов семьи для демонстрации во время лекций. Следует сказать, что на границе всегда возникали недородумания, потому что такие заженные чиновники не знали, поднимают этот член семьи или поклоняются нацистам.

Спор разрешал сам Вирхов, обычно указывая чиновникам на то, что с поддерганных вещей пошина не взимается.

ЯН ШТАУДИНГЕР
БЕСЕДА УПАВШИХ ШИШКЕЙ

?

ЯН ЧАРНЫ

МНЕНИЕ

Молодость — это проза.
(По убийству Силлероза.)

ПРО ОСЛА

Он тоже давний противник культуры.
(Бараны делают из его хохмы.)

Перевод с польского В. ТАТАРИНОВ

Первая страница обложки: «Еще секунда, и на ней вновь загорится хонкий бой».

Фотоиздат А. ВОЧИННИНА

Оформление В. Соколова.

Технический редактор Н. Буднина.

А 00350 Подписано к печати 14/XI 1964 г.
104000 экз. Над. № 452.
Заказ № 511. Формат бумаги 70 × 108^½.
2 бул. № 5-48 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина. Москва, ул. «Правды», 24.

Темп умеренного марша

Было такое, ребята, было!

Десятилетию целины
посвящают эту песню
авторы.

Слова В. ХАРИТОНОВА.

Музыка А. АВЕРКИНА.

Припев:

Было такое, ребята, было,
Ветром морозным палатки зноили.
Было!
Нас целина полюбила.

А на земле ни копа, ни дворя,
Только насточивый стук топора.
Жили-то мы не в гостях —
Пухи мозоли в горстях.

Припев:

Солью рубашки прожигли на спине,
Споры проделяли на койках во сне.
Песни будили зарю...
И я опять говорю:

Припев:

И не пишут мы давним зарок,
Землю пахали мы вдоль-поперек...
И освещала пурга
Целые горы зерна.

Припев:

В баках комбайнов кипела вода,
И телеграммы несли провода;
Полный порядок у нас...
Вспомним, наверно, не раз:

Припев:

Было такое, ребята, было,
Ветром морозным палатки зноили.
Было!
Нас целина полюбила.

K R O S C C V O R D

По горизонтали:

По вертикали:

1. Трехметровая функция. 2. Роман А. Франса. 3. Даты подчинения. 9. Государство подчиняется. 10. Родина Восточного Синка. 11. Форма Малоярославского произведения. 12. Животворящий, созданный панорамой «Оборона Свасток». 13. Позывной сигнал одного из современных космонавтов. 14. Государство в Азии. 16. Единица измерения электрической мощности. 17. Альбом Ф. Панфёрова. 21. Город в Узбекистане. 24. Русский композитор. 25. Медальон в музыке. 26. Основоположник азиатской пролетарской культуры. 27. Город на восточном побережье Средиземного моря. 30. Индийский писатель. 32. Германский композитор. 33. Цирковой номер. 39. Представительница основного класса, имеющая одинаковую сбалансированную страну. 40. Родоначальники традиций в науке и технике. 43. Постоянный покупатель. 44. Знаменитый писатель. 45. Зонтичные спортивные соревнования. 46. Крупное звучащее растение. 48. Роман М. Горького. 49. Зонтичные спортивные соревнования. 50. Советский полярный исследователь. 51. Картина А. Г. Венецианова. 52. Герой Советского Союза. 53. Ремесло на Прериейской почве. 54. Страна в Южном полушарии. 55. Вид цветка. 56. Страна, где родился Илья Глазунов. 57. Гимн Германии в Горьковской области.
1. Автор пьесы «Станиславский». 2. Американский стринг. 3. Роман А. Франса. 4. Гинеринсерсы, авторы фильма «Русские чудо-юноши» на радиотелевидении. 5. Группа, в состав Югославии, бывшая в составе Югославии. 6. Оптическое приспособление, состоящее из двух линз, скрепленных между собой. 7. Опера Л. Деянова. 8. Город Воронежской области. 9. Столица советской союзной республики. 10. Авторская обработка в РСФСР. 11. Декоративное эфиорамасличное растение, цветущее. 20. Писатель А. А. Островского. 22. Баронесса, национально-освободительница и обличительница. 23. Советский литературисто-художественный журнал. 25. Бенгальский линист, химико-технолог, педагог. 26. Марийский духовой инструмент. 27. Музикальный интервал. 29. Установка для измерения. 31. Русский адмирал, исследователь Арктики в XIX веке. 32. Страна, в которой памятник о прошлом. 34. Величница, характеризующаяся наличием ярко выраженного купола. 35. Планета солнечной системы. 37. Птица, живущая в Африке. 38. Межнациональный договор. 40. Промышленный город в Одесской области. 41. Полупарный доксескимоний животных. 42. Женщина, писательница и певица. 43. Журнал или газета. 44. «Рассказ из «Записок охотника». И. С. Тургенев. 45. Русская народная песня. 46. Путь, дорога в горах.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧТАННЫЙ В № 5

По горизонтали:

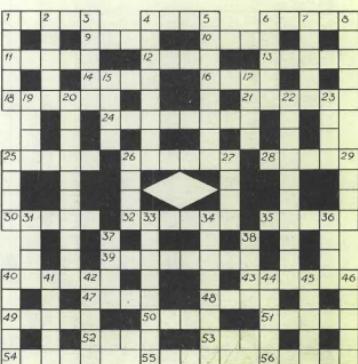
5. Таймень. 6. Зегерс. 10. Бранко. 11. «Елочка». 12. Сардан. 13. Ландыш. 15. Яхрома. 17. Пахмутова. 22. Стасова. 25. Кызылча. 26. Чайкона. 27. Селеница. 28. Осетрина. 29. «Лебединое озеро». 34. Быкова. 35. Альтякина. 40. Белока. 42. Манина. 44. Осымзина. 45. Нитрон. 46. Инага. 47. Ведуха. 48. Манана. 49. Осымзина. 50. Ахматова. 51. Маслина. 41. Луна. 43. Изар.
1. Карапаны. 2. «Весенний». 3. Семёнова. 4. Гречка. 7. Жбан. 8. Стогутына. 9. «Ладонь». 14. Алатырь. 16. Мартин. 18. Весенняя. 19. Ованесова. 20. Платинский. 21. Балакинец. 23. Шагинян. 24. Гнесина. 29. «Причина». 30. Агрономия. 31. Краснодар. 32. Узбекистан. 33. Украина. 37. Портрет.

По вертикали:

1. Карапаны. 2. «Весенний». 3. Семёнова. 4. Гречка. 7. Жбан. 8. Стогутына. 9. «Ладонь». 14. Алатырь. 16. Мартин. 18. Весенняя. 19. Ованесова. 20. Платинский. 21. Балакинец. 23. Шагинян. 24. Гнесина. 29. «Причина». 30. Агрономия. 31. Краснодар. 32. Узбекистан. 33. Украина. 37. Портрет.

Составил М. ФИЛОНОВ

г. Брянск.

Цена номера 20 коп.

Индекс 70820

Предельщица Лидия Королева.

Сварщик Василий Минаев.

Сварщик Юрий Сухов.
Рисунок В. Миронова.

Волжский химкомбинат. УТРО.

Рисунок А. Грудинина.

Он красив в любую пору года, этот белоименитый город над веющей рекой. Волжскому нет и десяти лет, и он продолжает расти. Каждый год сюда едут новоселы. В основном это молодежь. Она едет сюда по комсомольским путевкам на строительство Волжского химкомбината. У него большие планы: Волжский химкомбинат будет крупнейшим в Европе.

Недавно на строительстве комбината побывали молодые художники В. Миронов и А. Грудинин. Они привезли оттуда множество рисунков и акварели. Некоторые из этих работ мы публикуем.

